

КЕЙТ ХЭМЕР

Девочка
в красной
нальто

like
boon

Annotation

Роман, который сравнивают с «Комнатой» М. Донохью, «Светом в океане» М. Стедман и книгой Э. Сиболд «Милые кости».

Давайте познакомимся с Кармел – восьмилетней девочкой, которая любит красный цвет, забавные истории и обожает свою маму. Однажды они вместе отправляются на фестиваль сказок – событие, о котором Кармел давно грезил. Но поездка эта оборачивается трагедией. Вот как все было: продираясь сквозь плотный туман и расталкивая маленькими ручками прохожих, она вдруг поняла, что потерялась. Тогда-то перед ней и возник он – человек в круглых очках, загадочный призрак из ниоткуда. И ребенок пропал, исчез на долгие годы. Все это время ее искали – полиция, близкие. А Кармел тем временем жила в страхе и надеялась лишь на одно – однажды вернуться домой и обнять маму.

Кейт Хэмер

Девочка в красном пальто

© Климовицкая И., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Посвящается Марку

Мне часто снится Кармел. В этих снах она всегда идет прочь.

В день ее рождения земля была покрыта снегом. Я держала ее на руках, а через окно струился серебристый свет.

Когда она подросла, я часто называла ее «мой ежик». Я не могла представить ее живущей в городе – только на природе, за городом. Густые кудряшки у нее на голове разлетались в разные стороны, словно брызги стекла или пух одуванчика.

– У тебя такой вид, будто тебя протащили сквозь изгородь! – сказала я как-то.

Она улыбнулась в ответ. Закрыла глаза. Веки, расцвеченные узором розоватых веночек, подрагивали – как будто пара бабочек опустилась ей на глаза.

– Да, я представила это, – произнесла она наконец и облизнула губы.

Я смотрю в окно и почти вижу, как она – в своих колготках вишневого цвета – поднимается по аллее, которая ведет в школу. Тоска по ней похожа на то, как если бы мне вырвали плотку.

Сегодня ночью она снова приснится мне, я точно знаю. В сумерках мне кажется, будто она сидит на корявой ветке бука и что-то говорит. Ночью же, во сне, она будет, как всегда, идти, идти – и никогда не приближаться.

Ее одежда всегда была в чудовищном беспорядке. Ластовица теплых колготок вечно свисала до колен, так что она ходила как пингвин. Белый воротничок с одной стороны торчал кверху, а с другой стороны прятался под пуловером. Но в голове у нее всегда был удивительный порядок – и она знала, что чувствуют другие люди. Когда от Салли ушел муж, та сидела у меня на кухне, пила текилу, а я пыталась утешить ее. Алкоголем, солью и лаймом заменить мужа. Кармел проходила мимо, остановилась, запустила пальчики в густые каштановые волосы Салли и стала массировать ей голову. Салли застонала и откинула голову назад.

– Боже мой, Кармел, где ты этому научилась?

– Тсс, нигде, – прошептала она, поглаживая Салли затылок.

Это случилось как раз незадолго до того, как она исчезла в тумане.

Рождество 1999 года. Дети выбегали из ворот школы, и щеки у них горели румянцем от мороза и возбуждения. Мне все они казались какими-то гномами на одно лицо – по сравнению с Кармел. Интересно, может, и другим родителям кажется то же самое. Домой надо идти по сельской дороге, а уже почти совсем стемнело.

Было холодно, когда мы тронулись в путь; обочина присыпана снегом. Снег блестел в сумерках и указывал нам путь. От мыслей о безденежье и предстоящем Рождестве руки в карманах сжались в кулаки. Я вынула их и заставила себя разжать пальцы. Кармел отстала и ковыляла у меня за спиной.

– Пошевеливайся, – поторопила я. Я хотела успеть домой, пока не ударил ночной мороз.

– Ты же понимаешь, мама, что я не всегда буду с тобой, – сказала она тихо, задыхаясь от нашего быстрого шага в постепенно меркнущем свете.

Наверное, тогда-то мое сердце должно было замереть. Наверное, я должна была обернуться, схватить ее в охапку и донести до дома. Запереть в крепости или башне. Крепко-накрепко, золотым ключом, а ключ проглотить, чтобы его могли достать, только вспоров мне

живот. Но, конечно же, я не придала этим словам никакого, вообще никакого значения.

– Да, но сейчас-то ты со мной.

Я оглянулась. Она сильно отстала. Очертания ее головы напоминали пучки прошлогодней травы, которая топорщилась вдоль дороги.

– Кармел! – окликнула я.

Легкая струйка ее дыхания, заметного в холодном воздухе, коснулась моего рукава.

– Я здесь.

Иногда я гадаю: что будет со мной, когда я умру, обрету ли я тогда покой. Может, я превращусь в сову и буду летать по ночам над полями, с уханьем устремляясь вниз при виде проселочной тропинки. Дым из труб будет колебаться от взмахов моих крыльев, когда я буду пролетать мимо. А может, мы будем сидеть с ней на ветке букового дерева и играть в разные игры? Подглядывая за людьми, которые поселятся в нашем доме, за тем, как они приходят и уходят. Может, мы даже окликнем их, и они вздрогнут, ничего не понимая!

У нас образовалась компания одиноких матерей, почти мужиков – как однажды пошутил кто-то из наших. Нас объединяла общая участь. Сейчас я думаю, что это, наверное, было не очень хорошо для Кармел – постоянно находиться в окружении женщин с огоньком обиды в глазах. Множество вечеров провели мы, сидя на кухне за столом, и твердили на разные лады *о нем, о нем, о нем*. Все мы были по-своему ушиблены, у каждой душа в синяках. Если не считать Элис – у той синяки были даже на лице. После того как Кармел исчезла – через два-три месяца после того дня, – ко мне заявила Элис.

– Я хочу поговорить с тобой, – многозначительно объявила она. – Мне нужно тебе кое-что сказать.

Я даже поверила, что у нее и впрямь есть какой-то ключ к разгадке.

– Что сказать? Что? – Я изо всех сил вцепилась в ворот халата.

Ее слова так разочаровали меня, что я отвернулась и уставилась на скорлупку съеденного вчера яйца, которая валялась в раковине. Но когда она заговорила о том, что у моей дочери был прямой канал связи с Богом и что сейчас она сидит одесную Его – тут злость переполнила меня. Это ее обретение Иисуса, эти ее фальшивые откровения, эти ее запястья в плетеных браслетах, которыми она размахивала у меня перед носом... Я взорвалась.

– Заткнись! – крикнула я. – Убирайся отсюда. Я думала, ты хочешь сказать что-то дельное. Проваливай из моего дома, оставь меня, идиотка. Тупая свихнувшаяся идиотка! И Бога своего забирай с собой и больше никогда ко мне не приходи!

Иногда перед тем, как заснуть, я представляю, будто проникла в голову Кармел и перебираю ее воспоминания. Пристально всматриваюсь через ее глазницы в кинофильм ее жизни, который прокручивается перед ее глазами. Смотри, смотри: вот я с ее отцом, когда мы еще жили вместе. Кармел так мала, что мы кажемся ей гигантами, наши головы достают до неба. Я наклоняюсь, чтобы взять ее на руки, и шепчу ей на ухо детские стишки.

А вот день, когда мы ходили в цирк.

Сначала мы устроили пикник у большого шатра. Я расстилала на траве одеяло, поэтому не заметила, что Кармел повернулась и внимательно разглядывает клоуна, который высунулся из-за занавески. На лице у него был толстый слой белого грима, большой рот нарисован красной краской. Она удивлялась, почему он такой высокий – ходули скрывала

ткань. Клоун взглянул на небо, чтобы узнать, не собирается ли дождь, и его бело-красное лицо исчезло внутри шатра.

Что еще? Когда Кармел пошла в школу, мы расстались с Полом и я пошвыряла его одежду из окна спальни. Кармел наверняка видела – она сидела на кухне, – как планируют вниз его брюки и рубашки. И еще много чего – удивительно, как много воспоминаний умещается даже в коротенькой жизни: поездка на море, плюханье целый день в речке, Рождество, полнолуние, снег.

Я всегда спотыкаюсь на ее восьмом дне рождения и не могу двинуться дальше. Ее восьмой день рождения, когда мы поехали в лабиринт.

Когда мне исполнилось восемь лет, я захотела побывать в лабиринте.

– Кармел, ты что-нибудь знаешь о лабиринтах? – спрашивает мама.

Я думаю изо всех сил и вижу у себя в голове такую извилистую головоломку, которая похожа на человеческий мозг.

– Так, слышала кое-что, – отвечаю я.

Мама смеется и говорит «ладно».

У нас нет машины, поэтому мы едем на автобусе, на остановке садимся только мы вдвоем. Окна запотели, и мне не видно, где мы проезжаем. Мама надела свои любимые сережки – они похожи на кусочки стекла, а когда она поворачивает голову, они переливаются разными цветами.

Я думаю о своем дне рождения, который был в четверг, а сегодня суббота, и еще я думаю, что моя подружка получает на день рождения открытки и подарки от бабушки с дедушкой – моя подружка Сара, а моя мама даже не разговаривает со своими мамой и папой, хоть они и живы. Не то чтобы мне очень хочется получать открытки и подарки от дедушки с бабушкой, но мне интересно знать, какие они, как выглядят.

– Мам, у тебя есть фотки твоих мамы с папой?

Она поворачивает голову, сережки вспыхивают розовым и желтым цветами.

– Не знаю точно. Может быть, а что?

– Да мне просто иногда бывает ужасно интересно, как они выглядят. – На самом деле мне бывает интересно гораздо чаще, чем иногда. – Они вообще похожи на меня?

– Ты копия папы, детка.

– Все же хочется посмотреть на них своими глазами.

Она улыбается:

– Хорошо, попробую найти.

Когда мы выходим из автобуса, небо совсем белое. Мне так не терпится увидеть лабиринт, что я бегу вперед. Мы в парке, туман клубится вокруг, как стая привидений. Вон там стоит огромный серый дом с сотнями окон, которые смотрят на нас. Я чувствую, что мама боится этого дома, поэтому рычу на него. Иногда она всего боится, моя мама, – рек, дорог, машин, самолетов, того, что может случиться, и того, что не может случиться.

На этот раз она рассмеялась и сказала:

– Я просто старая балда!

Мы стоим на вершине холма, отсюда виден лабиринт, и он в самом деле похож на мозг. Мне кажется, это забавно – что я себе представляла мозг внутри моего мозга, когда думала про лабиринт, и пробую объяснить это маме, но у меня плохо получается, и она, по-моему, ничего не понимает. Но мама все равно кивает, и слушает, и стоит в своем длинном голубом пальто, которое внизу совсем намокло от травы. Она говорит:

– Да, это очень интересно, Кармел.

Я сомневаюсь, что она поняла меня, но она пыталась. Она всегда пытается понять, она не из тех, кто не замечает тебя, словно ты мышь или паук.

И вот мы входим в лабиринт.

И я сразу понимаю – это самое лучшее место на свете из всех, где я была. Высокие зеленые стены из деревьев, ломтик неба над головой, ты попадаешь сразу и внутрь

головоломки, и в чащу леса. Мама говорит, что деревья называются «тис», и повторяет по буквам, потому что я смеюсь и переспрашиваю «кис?». Я бегу вперед по тропинке в самую середку, где трава вытоптана и похожа на коричневую кашу, а мама остается далеко позади. Но это неважно, потому что я знаю, как устроены лабиринты, и даже если я потеряю ее, мы встретимся рано или поздно.

Я делаю поворот за поворотом и после каждого поворота оказываюсь снова в таком же точно месте. Ярко-красные ягоды свисают с зеленых стен, птицы порхают над головой. Они там, высоко в небе над зелеными стенами, поэтому видеть их можно только секунду, пока они пролетают над головой.

Я слышу, как кто-то зовет из-за зеленой стены:

– Кармел, это ты?

Я не отвечаю, хотя знаю, что это мама, – правда, ее голос звучит немного странно.

– Я знаю, что это ты. Я вижу твои красные колготки между деревьями.

Я не хочу отзывать и тихонечко перехожу в другое место. Начинает темнеть, но мне все равно уютно, как дома. Сейчас тут больше похоже на лес, чем на лабиринт. Верхушки деревьев вытянулись, стали выше, как будто деревья подросли в темноте. Кое-где мне встречаются какие-то белые цветы, однажды попалась веревка, которая висела на ветках. Может, ребенок вроде меня качался на ней. Она свисала прямо на дорожку, и я чуть не задела ее носом, а размочалившийся конец извивался и болтался на ветру, как червяк. Кругом пахнет густой зеленью, птицы поют в гуще деревьев.

Я решаю лечь под деревом, отдохнуть на мягкой коричневой земле, потому что устала и захотела спать. Земля пахнет, когда я прижимаюсь к ней, аромат ее темный и сладкий. Что-то щекочет мне лицо, и я думаю, что это прошлогодние листья, потому что поверхность этого мертвая и шершавая.

Голоса птиц напоминают не щебет, а болтовню, деревья шелестят под ветром. Я слышу, как мама зовет меня, но ее голос сливается со щебетом птиц и шелестом деревьев. Я знаю, что мне нужно отозваться, но молчу.

Я бежала по коридорам из тиса. Один походил на другой, и каждый раз, сделав поворот, я видела перед собой точно такой же бесконечный зеленый туннель. На бегу я кричала:

– Кармел, где ты?

Наконец, когда уже с трудом можно было различить предметы вокруг, я очутилась у выхода. Я разглядела большой серый дом на некотором расстоянии, входная дверь его напоминала рот, улыбающийся мне навстречу.

Через поляну шел, удаляясь, мужчина, который продал нам билет. Он двигался в сторону холма и уже отошел довольно далеко.

– Пожалуйста, вернитесь! – Казалось, этот резкий голос не принадлежит мне.

Он не услышал. Ветер подхватил мой крик и отнес в другую сторону. Только вороны ответили мне карканьем.

Я побежала за ним, не переставая кричать. Но он двигался очень быстро, и его фигура стремительно исчезала из виду с последними лучами солнца.

Наконец, он, похоже, услышал мои крики, остановился и обернулся. Я замахала руками над головой, и даже с большого расстояния, которое нас разделяло, было видно, как он напрягся, словно почуял опасность. Конечно, меня можно было принять за сумасшедшую, но в тот момент мне это не пришло в голову. Я подбежала к нему и, уперев руки в колени, пыталась отдышаться, а он ждал. Его лицо под старомодной тряпичной кепкой было очень серьезным.

– Моя дочь. Она потерялась. Я не могу ее найти, – смогла я произнести через минуту.

Он снял кепку и пригладил волосы.

– Которая в красных колготках?

– Да, да. Маленькая девочка в красных колготках.

Мы пошли к лабиринту. Он зажег фонарь и осветил нам дорогу.

– Так не бывает, чтобы человек вошел в лабиринт и не вышел из него, – рассудительно заметил он.

– Был сегодня еще кто-нибудь? – спросила я. Горло у меня перехватило, пока я ждала ответа.

– Нет, никого. Точнее, была утром одна пара. Но они ушли еще до вашего прихода.

– Точно? Вы уверены?

Он остановился и посмотрел на меня:

– Уверен. Не волнуйтесь, мы найдем ее. Я знаю этот лабиринт как свои пять пальцев.

Я испытала огромное облегчение от того, что рядом со мной находится человек, в голове у которого есть точный план этой ловушки.

Когда мы подошли к лабиринту, он потушил фонарь. Больше он не был нужен. Взошла большая луна и светила, как прожектор во время футбольного матча. Мы вошли под арку – такую форму образовали сплетенные деревья при входе. В лунном свете и листья, и красные ягоды казались черными.

– Напомните, как зовут девочку? Карен?

– Нет, Кармел. Кармел.

– Кармел. – Его голос стал глуше.

Мы быстро шли и звали ее по имени. Смотритель снова включил фонарь и осветил в

заросли. Оттуда раздавались какие-то шорохи, однажды блеснули глаза кролика, который замер на мгновение, а потом дал стрекача. Нет спору – мой спутник обследовал лабиринт методично, следуя своему мысленному плану.

– По-моему, нужно вызвать полицию, – сказала я по прошествии минут двадцати. Меня вновь охватила паника.

– Возможно. Но мы уже почти добрались до центра.

Мы повернули еще раз – и тут увидели ее, за изгибом живой изгороди. Луч фонаря выхватил ее красные ноги, торчавшие из-под деревьев. Я протянула обе руки и вытащила ее. Ее тело было податливым и теплым, я сразу поняла, что она спит. Я положила ее на колени, баюкала и повторяла: «Спасибо вам. Спасибо вам. Спасибо». Мужчина с улыбкой смотрел на нас, а я улыбалась ему в ответ и крепко обнимала ее, родную и теплую.

Сколько раз за день я прошла этот лабиринт! И даже после того, как мы вернулись домой и легли под одеяла, мне приснилось, что я снова хожу по лабиринту. Описываю зигзаг за зигзагом, поворот за поворотом. Иногда кролик убегает прочь, а иногда замирает посреди дорожки и внимательно смотрит на меня, подергивая носом.

Мне нравится играть в саду одной, устраивать там обеды. Чуть пониже растет дерево – у него такие ветки, что если ободрать кору, то получается очень похоже на курятину, белую такую, разваренную. А еще можно сделать из веток ножи и вилки, и тогда я могу устроить настоящий обед. Правда, там за много лет напало очень много старых листьев – черных таких, скользких, – но я отгребаю их в сторонку, расчищаю себе кусочек на траве.

Тут я совсем-совсем как в укрытии! Вокруг сада тянется каменная стена; чтобы выглянуть из-за нее, мне нужно встать на цыпочки. За стеной начинаются поля, а домов там совсем мало. Но дым из труб хорошо видно, даже из самых дальних. Вообще видно далеко вокруг, потому что Норфолк плоский, как блин, – так говорит мама.

Когда я играю, пролетают две большие белые птицы – они летят рядом. Одна чуточку впереди, как будто она главная. Шеи у них повернуты вправо, летят они очень низко, крыльями машут медленно, как будто им трудно удерживать себя в воздухе. Что с ними, интересно знать. Я карабкаюсь на стену, чтобы получше разглядеть их. Они пролетают прямо над моей головой, и я не могу удержаться от смеха, когда вижу, как трясутся их толстые пузики и смешно болтаются красные лапки, совсем ненужные, когда летишь.

Я поворачиваюсь и замечаю мамино лицо в окне. Она пытается отскочить в сторону, но уже поздно. Я успела заметить, что она следит за мной: на месте ли я, она так делает все время после лабиринта. Чуть погодя она выходит из задней двери в пальто как ни в чем не бывало, как будто я не видела, что она подглядывает. Она улыбается особенной улыбкой – так люди улыбаются, когда хотят задобрить тебя.

– Что такое, Кармел?

– Что такое, Кармел, что такое, Кармел. – Я передразниваю ее, но так, чтобы она не слышала. Мне становится стыдно, потому что улыбка у нее немного жалкая. И к тому же очень хочется рассказать ей про птиц.

– Это были гуси, – говорит она.

– Снежные гуси или те гуси, которых Элис готовит на Рождество?

– Все равно. Ты, наверное, видела семейную пару, гуся и гусыню. Гуси – верные спутники.

Я чего-то не понимаю, приходится переспросить:

– Как это – верные спутники?..

– Это значит, что, поженившись, они остаются вместе до самой смерти.

Ага, не то что вы с папой. Конечно, я не говорю это вслух, хотя она опять начинает злить меня – присаживается на корточки, делает вид, что играет с листиками-тарелками – потому что не хочет уходить в дом и оставлять меня одну. Она вертит в руках прутики, которые я положила вместо ножей и вилок, короче – устраивает полный беспорядок. Вот ее коричневый ботинок опустился на тарелку и раздавил ее – ну да, она же ничего не понимает, думает, что это просто лист.

Я вздыхаю, сажусь на колени и пытаюсь навести на столе хоть какой-то порядок. Тогда она говорит:

– Кармел, ты промочишь брюки.

Она гладит меня по голове, и ее рука кажется мне очень тяжелой, мне хочется, чтобы она убрала ее, но я молчу. Я просто аккуратно раскладываю кусочки курицы обратно по

тарелкам и жду, когда же она уйдет.

Наконец-то она уходит. Но мне от этого не легче – я чувствую себя гадкой, ведь она, наверное, хотела как лучше, думала – вот, поиграю с дочерью. От этой мысли в животе становится тяжело и противно, словно я проглотила камень, и меня тошнит. После лабиринта я часто чувствую себя гадкой. На прошлой неделе мы ходили в «Макдоналдс». Я была сама не своя от радости, потому что мы взяли Сару. Ее мама чудесно пахнет, и их дом тоже, и еще ее мама носит самые потрясающие туфли с золотыми звездочками. Мы сидели в «Макдоналдсе», и мы с Сарой смеялись над какой-то чепухой, но мама была начеку и подслушивала. Ясное дело, она делала вид, что не слушает, но она смотрела на меня, не поворачивая головы, краем глаза, как шпион. И тут мне пришла в голову ужасно гадкая мысль, от которой макфлури, которое я только что съела, превратилось в камень. Я подумала – как хорошо, если бы мама Сары была моей мамой, а я была сестрой Сары, и мы бы жили в их теплом домике в городе, и, может, тогда бы я знала хоть немножко покоя.

Мы проводили Сару и возвращались к себе домой на автобусе, а я все еще чувствовала себя ужасно мерзко. Я думала – а может, она вовсе и не шпионила, может, я все это придумала, а на самом деле мне просто хотелось побыть вдвоем с Сарой, как будто мы уже взрослые, и я сказала:

– Я бы хотела купить тебе золотые туфли.

Мама повернулась, нежно улыбаясь:

– Отличная мысль, Кармел. Но куда я их буду носить? В «Теско»? – И она засмеялась. – Если честно, надо нам обеим купить золотые туфли и ходить в них за продуктами.

Я тоже расхохоталась, когда представила, как мы расхаживаем по супермаркету на шпильках, семенем за своими тележками. Я посмотрела на пол, туда, где стояли ее ноги. Она была в коричневых ботинках, которые носит так давно, что они обмялись по форме ее пальцев. Я вспомнила, что у нее большие ноги с крупными пальцами, представила, что она сидит в автобусе, втиснув их в крошечные золотые туфельки, которые носит мама Сары, и мне стало немного грустно. Я отвернулась и стала смотреть в окно, чтобы она не видела выражения моего лица.

История с лабиринтом понемногу забылась.

По субботам мы ходили за покупками. Однажды мы возвращались по аллее с мешками из «Теско» и увидели красный автомобиль Пола, припаркованный у ворот. Завидев нас, он вышел из машины, сложил руки на груди и стоял, улыбаясь Кармел. Она побежала к нему, он широко развел руки в стороны, и она бросилась ему на грудь.

– Папочка! – крикнула она.

– Моя девочка, – он тоже почти кричал. – Моя любимая девочка!

Он ни разу не повел глазом в мою сторону, но, в конце концов, я была этому даже рада. После его ухода я старалась держаться в форме, ради себя и ради Кармел – блузки в цветочек, насыщенные ягодные цвета или там солнечно-желтые. Немного помады на губах, недорогой, но жизнерадостной. То же самое с домом – на окна повесила ярко-оранжевые занавески, на стены – разнообразные девизы, такая попытка заполнить пустоту, которая образовалась после его ухода. Но, как назло, Пол застал меня именно тогда, когда я была совершенно к этому не готова – в этот день мы сломя голову бежали, чтобы не опоздать на автобус, и я на ходу стягивала нерасчесанные волосы в конский хвост. Кармел была дико рада ему, я не хотела портить этот момент, поэтому отперла входную дверь и ждала, когда они войдут и она повесит свое пальто.

– Что случилось? – спросила я.

Он сел за кухонный стол и показался мне еще больше, чем я помнила. Высокий, красивый, коленки торчат кверху, как будто наши кухонные стулья взяты из школьного класса. От него как-то странно пахло – химическим запахом кондиционера для стирки тканей.

– Ничего не случилось. Я пришел повидать свою дочь, что в этом особенного?

Послышались шаги Кармел, поэтому я не стала говорить, что он за пять месяцев ни разу не пришел, хотя собирался встречаться с дочерью каждые выходные. Я просто радовалась за Кармел: наконец-то он здесь. Дочка принесла целую гору всякой всячины показать ему – подушечка с ее именем, которую она сшила в школе, последний табель с оценками, новый зонтик с ушками – они появляются, когда его открываешь.

– Ну что же. – Пол встал; какой он высокий и красивый... «Нет-нет, не раскисай, зажми сердце в кулак...» – Давай с тобой поедem в город, сходим в кино, а потом где-нибудь перекусим – место ты выберешь сама.

Он наклонился, отвел прядку волос, упавшую ей на щеку, и заправил за ухо. Сколько нежности было в этом жесте. Я просто не понимала, как он вытерпел столько времени, почему так долго не приходил. Он словно прочел мои мысли:

– Я очень скучал по тебе, Кармел. Но я ждал, пока все успокоится...

Я прекрасно поняла, что он имел в виду – пока я успокоюсь.

– Мы отлично проведем время сегодня. Измажемся по уши в попкорне.

– А мама? – Кармел взглянула на меня. Мой бог, как они похожи: ясные карие глаза, кудрявые волосы, тонкая кость.

– Нет уж, давай дадим маме хоть немного покоя. Поедем сами.

Я изобразила улыбку, сияющую, как медный таз.

– Конечно, сами! Вам не будет скучно. А у меня куча дел.

Кармел с подозрением смотрела на мою сияющую улыбку, и я расслабила лицо:

– Мне правда есть чем заняться, Кармел. Почитаю хоть спокойно у камина без всякого телевизора.

Она медленно собрала свои сокровища и пошла надевать пальто.

– Конечно, ты можешь поехать с нами, но, по-моему, лучше не надо. Это только испортит ей настроение, мне так кажется. Я имею в виду, когда я и ты снова будем прощаться.

– Конечно, Пол, – сказала я и отвернулась. Я переживала из-за того, что мои волосы, кое-как собранные в хвост, выбились и некрасиво топорщатся, и ненавидела себя за эти переживания. – Поезжайте.

Я крепилась, чтобы не спросить про Люси, вместе ли они, но на самом деле и без вопросов все было ясно. И дело не только в совершенно новом запахе кондиционера, любой бы сразу понял, что о нем заботится женщина. Рубашка-поло нежных цветов – зеленая с розовым, массивный «Патек Филипп» на запястье.

– Мне все же нужно поговорить с тобой, Пол.

– Хорошо. – Он подобрался.

– Про Кармел.

– Да, конечно. – Он перевел дух.

– Я была на родительском собрании. Говорят, что она очень, ну, особенная, что ли...

Его лицо вытянулось, затем он нахмурился, посмотрел туда, где она только что стояла.

– Что, проблемы с успеваемостью?

Я задержала дыхание, сосчитала до трех.

– Нет, вовсе нет. Наоборот. Она очень умная, ты же знаешь. Очень способная... но...

– Что же тогда?

– Мечтательность. Иногда она витает в облаках. Разве ты не замечал?

Неужели я одна их замечаю – эти ее «побеги»? Я их так называю. Когда она словно врастает в землю, а взгляд становится нездешним и каменеет? Эти приступы проходят так же быстро, как накатывают. Мне необходимо было с кем-то поговорить об этом. Может быть, я ошибаюсь – разве можно судить наверняка, если у тебя один ребенок и не с кем сравнивать?

Я поняла, что Пол не хочет говорить на эту тему. Я вспомнила это его обыкновение принимать людей такими, какие они есть.

– Может быть. Но... – Он пожал плечами.

– Что ты хочешь сказать?

– Я всегда думал, что просто у нее очень древняя душа. У китайцев, кажется, есть такая теория. Или у индусов?

– Пол, она так счастлива, что ты, наконец, пришел! – не выдержала я.

Он смутился.

– Мне казалось, что нужно переждать какое-то время, понимаешь?

Я понимала. Расходиться всегда несладко. По крайней мере, нам было именно так.

– А теперь... теперь другое дело. Теперь все улеглось.

У него, судя по всему, улеглось.

– Сейчас, когда все нормально, можно встречаться чаще. Постоянно.

– Послушай, Пол. Мне нужно обсудить это с тобой, родительское собрание и еще кое-что.

Послышались шаги Кармел, и наш разговор прервался.

– Ну давай, лохматая мартышка. Пора в путь-дорогу!

Я смотрела, как задние огни его машины исчезают в сумерках. Когда последний раз мелькнул красный огонек, я отыскала в буфете остатки табака. Табак был старый и слежался в пластмассовой коробке, поэтому напоминал кусок сахара с запахом шоколада. Скрутив сигарету, я загнула оба конца, чтобы табак не высыпался. Я закурила и села у окна, пускала дым и смотрела в сад.

Нас с Полом, собственно, связывал не только брак – еще и общее дело: мы занимались закупкой и продажей женьшеня и экзотических сортов чая. Когда мы расходились, я от гордости и злости заявила, что сама прокормлю себя – я нашла место администратора, правда, не на полный день. Мы договорились, что он забирает бизнес, а мне остается дом. Ему дом не был нужен – он переезжал к Люси, к тому же для Кармел было лучше остаться в привычной для нее обстановке. У Люси же был новый домик на окраине города. Я знала это, потому что однажды разыскала его, сходя с ума от ревности. Нужно отдать ей должное, она пригласила меня войти. Люси гораздо моложе меня. Я погорела на такой банальной истории. Пока шла за ней, внимательно изучала ее со спины. Тоненькая фигурка, обтягивающие белые джинсы, мой взгляд скользнул вниз, я посмотрела на ее бедра и подумала: «Вот сюда, между ног, Пол вставляет ей...» От этой мысли мне стало жарко и противно.

Она была босиком, крошечные ноготки покрашены розовым лаком. Я сообразила – вспомнив полку для обуви в прихожей, – что в этом доме принято разуваться. Интересно, Пол тоже так поступает? Я посмотрела на свои ботинки, и мне стало интересно – что, после моего ухода она схватит тряпку, швабру, визгливый пылесос и начнет чистить кремовый ковер, на котором я наследила?

Она сказала, что ей жаль, что все так получилось, и что они с Полом любят друг друга. Она оказалась очень даже милой – лучше бы она была злой и уродливой, но нет, ничего подобного. Я все же не утерпела и сказала ей на прощанье:

– На него нельзя полагаться. Он не умеет хранить верность. С вами он поступит точно так же.

Она сумела сохранить невозмутимость на лице, но в глубине ее глаз промелькнула тень – словно она признала мою правоту. И я смаковала эту тень, принесла домой, вертела и так, и сяк, как Горлум кольцо, «свою прелессть». стыдно вспоминать об этом.

После ухода Пола дом медленно утрачивал следы его пребывания. Каждый раз, когда открывалась дверь, сквозняк подхватывал и уносил еще какую-то частицу Пола. Улетучивался запах чаев. Буфет у нас всегда был заполнен образцами чая и источал дымный аромат лапсанга, густой букет танина с цветочной нотой жасмина, который так бодрил. Запах чая до сих пор для меня связан с Полом. Даже когда прохожу мимо полки с чаями в супермаркете или приподымаю крышку чайника в кафе, я вспоминаю время, когда мы с Полом были вместе, чувствую его присутствие. По мере того как буфет пустел, чайный запах выдыхался, пока не осталась, как ни странно, еле заметная нотка жасмина. Иногда на кухне в самых неожиданных местах я улавливаю острый, тонкий запах. Однажды я нашла кусок женьшеня в ящике стола, толстое корневище напоминало о чем-то глубинном и подземном. В другой раз наткнулась на связанный шарик японского чая, который закатился за корзину для дров. Сначала он тоже походил на корень, но в чашке с кипятком распустился хризантемой.

После отъезда Пола и Кармел в доме стало очень тихо. Шум, который я издавала, выпуская сигаретный дым, казался порывами ветра. Иногда скрипела половица наверху или что-то булькало в старой батарее. Я просидела у окна, пока не показались передние фары

машины Пола. Нужно почаще вывозить ее в город, подумала я.

Я просыпаюсь утром, и настроение у меня просто расчудесное! Я не сразу понимаю почему. А потом вспоминаю: мама сказала, что, если погода будет хорошая, мы пойдем на фестиваль сказок и историй, а это как раз сегодня.

Моя кровать стоит у окна. Я смотрю через окно – оно похоже на ромб – на небо.

А небо синее, синее, синее!

Я лежу в постели, под одеялом тепло. Я слышу, как мама хозяйничает внизу: сначала клацанье – поставила чайник на плиту, потом щелчок – включила газ. Когда папа жил с нами, его голос заглушал скрип половиц. Иногда они с мамой ссорились, и тогда казалось, что рычат два медведя. Когда я спускалась, они сразу замолкали и улыбались мне, но ясно же было, как дважды два, что они заставляют себя улыбаться. Люди почему-то принимают детей за мышат и думают, что мозги у них совсем крошечные.

Директор моей школы в точности такой – думает, что мы ничего не смыслим. В родительский день мама немного опоздала. Моя учительница – миссис Бакфест – разрешила мне подождать маму возле класса. Пока я там ждала, слышала, как мистер Феллоуз, директор, в классе говорит миссис Бакфест про мою маму «ну вот, очередная одинокая мамаша». У меня лицо даже вспыхнуло от злости, потому что он сует нос не в свое дело – так я считаю. Мама пришла, запыхавшаяся, и выпалила:

– Прости, прости, ради бога. Я задержалась на работе.

Я не обратила внимания на эти слова, я ведь прекрасно знаю, что она опаздывает потому, что у всех есть машины, а у нее нет. Поэтому я взяла ее за руку и сказала:

– Пустяки. Подумаешь, всего-то десять минут, – хотя на самом деле прошло уже больше пятнадцати.

Когда мы вошли в класс, миссис Бакфест сказала про меня: «Очень умная девочка, но иногда витает в облаках».

Мистер Феллоуз все смотрел на маму – и я прекрасно понимаю почему – потому что моя мама гораздо красивее других мам. У нее густые каштановые волосы, синие глаза, немного вздернутый нос и очень красивые пухлые губы, которые особенно классно смотрятся, когда она их чуточку подкрашивает.

Потом директор заговорил:

– У Кармел необычайно богатый словарный запас. У нее очень живое воображение. Я полагаю даже, что она воспринимает мир иначе, чем все мы. – Тут он взглянул на меня и заметил: – Но ты рискуешь потерять голову, если не поставишь ее на место.

По-моему, так это просто грубо. Особенно если учесть то, что он до этого говорил про маму. Я ничего не ответила, и он продолжил:

– Взять хотя бы тот случай на прошлой неделе, когда мы ходили всей школой на экскурсию, а ты пропала, и мы долго искали тебя, пока не обнаружили в полном одиночестве на скамейке, и вид у тебя был такой, будто ты находишься где-то за тридевять земель. Мы очень волновались, Кармел.

– Что вы говорите! – воскликнула мама.

Я вздохнула, мне совсем разонравилось, что они обсуждают меня. Мне стало грустно-прегрустно, и я ужасно обрадовалась, когда миссис Бакфест улыбнулась и заверила, что все это с возрастом пройдет, она в этом совершенно уверена, поэтому не следует чересчур

беспокоиться. И мама мне тоже сказала не огорчаться и повела меня есть пиццу – хоть мы и не собирались даже, – и было прямо очень весело. Она рассказывала мне всякие смешные истории, и я так хохотала, что кока-кола попала мне в нос.

По папиному крику я не скучаю, но мне страшно не хватает его рокочущего голоса. А мама считает – мы теперь сами себе хозяева и можем творить все, что заблагорассудится. Она говорит: «Можем беситься, сколько душе угодно». Иногда мы танцуем на кухне вокруг старого деревянного стола. Включаем радио на полную катушку, а вместо микрофонов у нас поварешки.

Я прислушиваюсь изо всех сил, как делала, когда мама с папой ругались. Вытягиваю уши, как будто целиком превращаюсь в них, и тогда они улавливают самый тихий звук. Я представляю, как мама сидит на первом этаже под моей кроватью и пьет свой утренний чай. Мне становится смешно – я лежу тут у себя наверху и в то же время прекрасно вижу у себя в голове маму и что она делает там внизу, а она об этом даже не догадывается.

Я поднимаю глаза и вижу пчелу на верхушке оконной рамы. Она почему-то не жужжит, а зудит. Я сажусь на коленки. Это самая большая пчела, которую я встречала, и у нее на мохнатом тельце белые крапинки – как бывает седина у стариков. Мама в таких случаях говорит: «Он вступил в зимнюю пору своей жизни». Каждый раз, когда пчела ударяется о стекло, зуденье становится громче, как будто она сердится. Она ничего не знает про существование стекла, она просто не понимает, почему ей не удастся вырваться на свободу, в сад. Осторожно-преосторожно – я знаю, что пчела может ужалить, а жало у нее как ядовитый дротик, – открываю окно. Пчела еще разок ударяется о стекло и вылетает. Сначала мне показалось, что сейчас она упадет на землю и разобьется, но она набрала высоту и полетела над яблоневым деревом.

Я надеваю легинсы и мою любимую красно-малиновую полосатую футболку, она такая мягкая, и коже от нее приятно, а еще у нее длинные рукава, и я могу весь день любоваться этими полосками. Перед тем как спуститься вниз, я хочу нарисовать картинку про фестиваль сказок и историй. Беру лист бумаги и рисую карандашом мужчину, он сидит. На носу у него очки. Чтобы показать, что он рассказывает историю, я рисую слова, которые словно выплывают у него изо рта. У его ног я рисую кролика, тот даже рот открыл – так заслушался.

Снизу из кухни пахнет тостами, на маме джинсы и блузка в цветочек. Мама как-то сказала, что блузки в цветочек для нее «высший шик», точнее – «от-кутюр». Я попросила ее написать эти слова на бумажке, чтобы выучить и расширить свой словарный запас.

– Так мы едем? – на всякий случай уточняю я, потому что ни в чем нельзя быть уверенной до конца.

Мама оборачивается и улыбается:

– Да, Кармел, едем!

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

В тот день мы поехали на поезде. Мне хотелось, чтобы этот день стал для Кармел особенным, а поездка на поезде вместо обычного автобуса – это как-никак развлечение.

В ту пору у нее были любимые вещи и «пунктики», как у каждого ребенка. Привязанности внезапно возникали и быстро проходили, но пристрастие к красному цвету было на редкость устойчивым. Я купила ей красное шерстяное пальто, она его носила, не снимая. Она спросила, можно ли, когда мы будем покупать ей туфли, купить красные, мы видели такие в витрине «Кларке». Каждый раз, приезжая в город, мы специально проходили мимо магазина убедиться, что туфли на месте. На мою зарплату особо не разгуляешься, но я прикинула, что смогу купить эти туфли на Пасху, к выходу в школу после праздников, и молила Бога о том, чтобы их не продали раньше. Совершенно мистическим образом эти туфли каждый раз встречали нас на прежнем месте – на обитой зеленым сукном полке, словно две большие божьи коровки, хотя весь остальной ассортимент постоянно менялся. В то утро, когда она надевала свое красное пальто, я приняла решение:

– Завтра мы поедem в город, и если те туфли еще на месте, купим их.

– Правда?

– Правда.

Гори оно все синим пламенем, заплачу с кредитки, а потом как-нибудь разберусь. В то утро, когда весенний ветерок дышал в дверь, все на свете казалось возможным. Может, я даже попрошу денег на эти туфли у Пола – теперь, когда он объявился. Нет сомнений, что он хочет общаться с дочерью, даже если не желает иметь дела со мной. Возможно, наступило время принять от него помощь, которую он предлагал, а я так легкомысленно отказалась, утверждая, что мы сами обойдемся.

В тот день, когда мы ехали в поезде, прошлое на время ослабило свою хватку – под влиянием весны, горячего воздуха, который врывался от набиравших скорость поездов, и предвкушения грядущего дня, который мы проведем вместе. Я подумала: в каком жутком состоянии, в каком ужасном, бессмысленном отупении я прожила весь год, год после того, как ушел Пол. Пора встряхнуться.

Кармел в своем красном пальто сидела напротив. Вагон был переполнен. Высокий молодой человек в грязной джинсовой куртке, с татуировкой в виде паутины, которая виднелась на груди в расстегнутом вороте рубашке, пробрался к нам и сел рядом с Кармел. Он вертел в руках мобильный телефон, пока не подошел контролер проверить билеты. Мне с первого взгляда стало ясно, что парню в куртке не терпится завести разговор. Слова уже не раз готовы были сорваться с его языка, но он проглатывал их, однако после проверки билетов не удержался.

– Какая славная у вас девочка, – обратился он ко мне.

– Да, спасибо. – Я улыбнулась в ответ. Вагон казался мирным и безопасным, Кармел сидела напротив.

– Решили развлечься вдвоем, в чисто женской компании?

Я кивнула. Он стрельнул цепким взглядом в поисках кольца на моем пальце, или мне

показалось? Хотя смешно думать, что в наше время кто-то будет считаться с такими мелочами – особенно в его возрасте.

– А папашу, значит, оставили дома?

– Оставили.

Без кольца мой палец казался голым, словно выкопанный корень, а меньше года назад на нем поблескивало широкое золотое кольцо с серебряным цветочным узором-ободком. Как бы то ни было, я испытала облегчение, когда парень сошел с поезда.

– Хорошо все-таки, что он ушел, – сказала я.

– Кто? – спросила Кармел, которая была далеко в своих мыслях.

– Человек-паук, естественно.

Она не засмеялась моей глупой шутке, только шлепнула меня по руке – слегка, разок – и задумчиво сказала:

– Ах ты, чудилка.

Снова мы были вдвоем, сидели друг против друга. Поезд ехал между деревьями, которые росли по обе стороны от рельсов. Волосы Кармел наэлектризовались о синтетический подголовник сиденья, пока она смотрела в окно. Деревья росли с промежутками, и ее лицо оказывалось то в тени, то на свету. Этот образ и отпечатался в моей памяти навсегда. Лицо Кармел в полосках света и тени, которое то вспыхивало, то гасло, как в кино, перед тем как пленка вот-вот закончится.

На фестивале нас встречает длинная вереница флагов, которые рвутся вверх, в синее небо. Пока мы стоим в очереди, женщина в костюме дракона прохаживается туда-сюда на ходулях.

– Как это у них получается? – спрашиваю я у мамы. – А можно мне тоже ходули?

Я прямо представляю, как хожу по саду на ходулях и мне все-все видно из-за забора. Маме я об этом, правда, не говорю.

– Они пристегивают ноги ремнями и очень много тренируются, – отвечает мама.

Дракон снова проходит мимо, смотрит на меня, против солнца его золотое лицо кажется темным. Женщина взмахивает драконскими крыльями у меня над головой, я закидываю голову, чтобы они коснулись моего лица, и все становится зеленым и золотым, а потом чернеет. Она проходит вперед, и видно, как шевелится ее попа под зелеными обтягивающими легинсами. Когда к нам приближается человек в костюме мухи, я на всякий случай прячусь за маму, потому что вообще-то мух не люблю.

Когда мы покупаем билеты и проходим, мама наклоняется и спрашивает:

– Ну, как тебе?

А я только киваю и больше ничего, потому что это даже не рассказать словами, как мне ужасно нравится. Мне нравится, что все тут такое необыкновенное – или очень маленькое, или очень большое. Что у людей блестки на глазах, что одеты они по-разному, как медведи, например, и что на земле лежит великанская книга с загнутой страницей, а когда я дотронулась до нее, то оказалось, что это не бумага, а пластмасса. Я как будто попала в Зазеркалье из «Алисы в Стране чудес» – и теперь возможно все: вырасти большой, как шатер, или стать невидимкой, или встретить говорящего кота. Мама объясняет мне, что тут в разных шатрах будут рассказывать сказки и истории, и когда она говорит, мне кажется, будто слова выскакивают из шатров, как пузырьки, и мне хочется остановиться у входа, и пусть они пенятся у меня в мозгу.

Мама читает книжечку, в которой описано все, что будет происходить. Она говорит, что это программа. Надо же, а я думала, что программы бывают только по телику.

– Какую сказку ты хочешь послушать?

Я говорю – волшебную, потому что не могу описать словами картинки, которые крутятся у меня в голове: мечи сверкают в темноте, пираты пугают злобными желтыми глазами, кружится подводное царство, а мохнатые чудовища нашептывают разные тайны.

Мы выбрали шатер с надписью «В тридевятом царстве». Внутри сидела красивая девушка с серебристыми блестками на лице и розовыми крылышками за спиной. В шатре горели разноцветные фонарики, они мигали. Когда все расселись на матах, скрестив ноги, девушка начала читать сказку про фею, которая должна заслужить крылышки с помощью добрых дел. Но девушка читала очень-очень старательно, и было видно, как она волнуется. Она все время морщила лоб, а голос, когда она изображала фею, делался тонким и визгливым, и крылышки повисали все печальней и печальней. К тому же фея была очень уж правильная, совсем не походила на вправдашнюю, особенно когда поклялась, что никогда-никогда ни одна дурная мысль не придет ей в голову. Но дурные мысли приходят, когда захотят, без разрешения – я знаю это по себе. Когда история закончилась, я сразу же встала и потянула маму за рукав.

– Тебе понравилось? – спросила мама.

– Да, очень, – ответила я. Мне не хотелось говорить, что фея очень уж правильная, а крылышки у нее печальные. – Можно нам пойти еще куда-нибудь?

Мы нашли другой шатер, в котором сказка должна была начаться через полчаса.

– Давай зайдем место, – предложила мама.

Еще почти никого не было, и мы прошли в первый ряд. Я села на мат рядом с деревянной сценой, на которой стоял пустой стул для рассказчика.

Мама заглянула в программку.

– Тебе наверняка понравится, Кармел. Настоящая писательница будет читать рассказ, который сама сочинила.

Скоро шатер набился битком, в заднем ряду люди даже стояли.

Я оглянулась и увидела этого человека.

Он стоял у стены – ну, не то чтобы у стены, ведь это же шатер, – у него были седые волосы и очки, и выглядел *он в точности* как рассказчик на моем рисунке. Я улыбнулась ему, как старому знакомому, а он улыбнулся в ответ. Он не отводил от меня глаз.

Писательница появилась из отверстия за сценой. Старая, седая, волосы, как у ежика, в длинной блестящей розовой юбке и синих ботиночках, которые виднелись из-под юбки, а в ушах у нее болтались сережки в виде вопросительного знака. Еще она держала в руках корзинку. Она не сразу уселась на стул, а долго возилась: вынула большой кусок розовой жвачки изо рта и приклеила к бумажке, которая была у нее в корзинке. Еще в корзинке у нее были книжки и вязанье – торчали спицы, воткнутые в клубок красной шерсти. Такое впечатление, что она только что вязала, а как наступило время выходить на сцену – воткнула спицы в клубок и пошла.

Ее история начиналась словами: «В тот день, когда отец ушел, Кассандра так опечалилась, что пошла в сад и похоронила свою любимую куклу».

Я слушала во все уши, потому что эта девочка из истории была совсем как я. Я заметила, что мама поглядывает на меня время от времени, но не обращала на нее внимания, чтобы не отвлекаться. Закончив рассказ, писательница посмотрела в зал поверх красных очков и спросила:

– Может быть, у вас есть вопросы?

Молчание, а потом какая-то женщина сзади подняла руку и спросила:

– Откуда вы черпаете идеи для ваших рассказов?

Понятно, что она спросила не то чтобы из интереса, а просто из вежливости, потому что неловко ведь, когда все молчат. Но писательница все равно отвечает. Идеи, говорит она, приплывают сами собой, а откуда – она даже не знает. Возникают, как из тумана. Не очень понятное объяснение, но человек сказал правду, как мог.

Тут начали задавать вопросы дети:

– А почему вы назвали девочку Кассандрой?

– Что случилось с собачкой? Про нее говорится в начале рассказа, а куда она подевалась в конце?

Писательница улыбается от этих вопросов. Она говорит, что собачка никуда не подевалась, просто о ней больше ничего не говорится, но, возможно, это ее ошибка. Я удивляюсь, когда это слышу, потому что никогда не думала, что писатели могут делать ошибки. Потом она начинает перечислять, с кем можно поговорить, когда чувствуешь себя таким несчастным, как Кассандра – с учителем, с другом, ну и, конечно же, с бабушкой и

дедушкой.

И тут я поднимаю руку.

Она сразу указывает на меня – я знала, что так и будет, потому что с самого начала она заинтересовалась мной. Она все время посматривала на меня, когда читала, а теперь наверно думает: вот я скажу что-то интересное и необычное.

– А я вообще никогда не видела своих дедушек и бабушек.

Она улыбнулась и наклонилась вперед, ей и вправду стало интересно.

– Почему, милая?

– Потому что папины родители умерли, а мама со своими не разговаривает с тех пор, как я родилась.

Мамины руки в зеленых рукавах обхватывают колени.

Но писательница все понимает, она сильнее наклоняется вперед и говорит:

– Как интересно! Я была уверена, что ты скажешь мне что-то необычное.

Все решают, что это конец встречи, и начинают расходиться.

– Тебе понравилось? – спрашивает мама.

Опять я киваю, и все, я не могу спокойно говорить после того, как вот так только что выступила перед всеми.

– Пойдем перекусим, Кармел. Ты, наверное, проголодалась. Я, по крайней мере, ужасно.

Я благодарна ей, потому что знаю – ей очень хочется спросить, не чувствовала ли я себя после того, как ушел папа, как эта девочка из рассказа, а я и правда чувствовала, но сейчас не хочу обсуждать это.

Мы покупаем по хот-догу и едим, сидя на холме, прямо на траве, и нам сверху прекрасно видно все: и шатры, и великанскую книгу, и толпу, и людей на ходулях, которые возвышаются над всеми головами. Какое-то время мы жуем, молчим, потом я снова смотрю вниз и спрашиваю:

– Что это там такое?

От земли подымается какой-то дым, из-за него у людей не видно ног.

– Похоже, надвигается туман с моря.

– А, а то я подумала, что это пожар.

– Нет, это старый добрый туман. И, погляди-ка, он добрался до нас! – Мама смеется, ее синие глаза вспыхивают ярко-ярко.

Я кладу в рот последний кусочек сосиски и сжимаю его зубами. Подумав, я решаю, что туман мне нравится. С ним все выглядит еще страньше, вот это мне и нравится.

– Мне здесь так нравится! – говорю я, потому что это правда и потому что я чувствую это прямо всем телом.

– Правда, солнышко? – Мама доела свой хот-дог и повернула лицо к солнцу. – Мне тоже.

Такой счастливой и красивой я ее никогда не видела.

Но потом она снова превращается в шпиона.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Сколько раз я уже вспоминала то, что случилось? Сколько раз еще буду вспоминать? Снова и снова я вижу это, как будто киноплёнка перематывается в начало, и я опять смотрю тот же фильм.

После обеда народа стало столько, что не протолкнуться – детский фестиваль историй как магнитом притягивал родителей и их заскучавших в каникулы детей. Погода, которая с утра была прекрасной и выманила многих на природу, начала меняться к худшему. Солнце пыталось сопротивляться, но холодный туман добрался до нас, и все надели припасенные пальто и куртки. Я ощутила первые мурашки панического страха – а я-то надеялась, что это чувство не вернется. Кармел была все так же увлечена, ее захватили новые впечатления и извечная магия сказок. Мы бродили среди мам, которые толкали коляски, среди семейств, которые изучали свои программки, среди людей на ходулях, которые раздавали листовки и бутылки с водой. Я все время посматривала вниз, чтобы удостовериться в том, что красное пальто мелькает рядом.

Шум нарастал. Раздавался треск шутих, которых запускали, дым от них смешивался с ползущим туманом. Восторженные крики провожали гроздь желтых воздушных шаров, которая взмыла вверх и зависла в небе, словно бредовый, ненадежный заменитель солнца, занявший его место. Дым от ларька, где жарили бургеры, смешивался с мясным запахом от толпы, которая поедала их. Вспомнился школьный поход, когда учителя потеряли Кармел. Потом лабиринт, в котором она исчезла.

Я взяла ее за руку, но ее ладошка так и норовила выскользнуть, так что порой мне приходилось довольствоваться только одним пальцем. Не паникуй, говорила я себе, просто контролируй, чтобы она была рядом. Ей хочется показать, что она уже большая. Вдруг красное пальто исчезло – его загрозила толстая тетка, которая, похоже, вообще не ощущала холода: толстые руки торчали из коротких рукавов розовой футболки и тряслись, как желе, на гигантской груди блестели серебристые звезды. Она наклонилась и ткнула воздушный шарик на палочке в детскую коляску: «Держи и немедленно заткнись». Тут снова показалось красное пальто Кармел, и я перевела дух. Я потянулась, чтобы схватить ее за руку, но тут между нами вклинился мужчина в свитере с узорами, на плечах он держал девочку в розовых ботинках и спрашивал у нее:

– Ты видишь медведя? Видишь медведя?

Потом на меня посыпались какие-то бумажки.

Я вновь увидела Кармел, смахнула бумажки на затоптанную землю, нащупала ее руку и сжала изо всех сил. Туман все плотнее обволакивал нас своей кисеей.

– Главное, не отпускай мою руку! – крикнула я.

От спокойствия, которое я испытала в поезде, не осталось и следа. Конечно, все забылось бы, если бы тот день не врезался в память навсегда. Забылась бы и моя паника – один из кирпичиков, которые час за часом складывались в событие, и теперь это событие заслонило собой все, вместо того чтобы давным-давно рассыпаться в пыль. Я этого не хотела, но, наверное, мой голос прозвучал слишком строго – не отрицаю, такое вполне

Мамин голос становится резким и холодным, как туман. Мы идем на другой конец поля, где стоит большущий шатер – в нем продают книги. Туман заходит в шатер вместе с нами, он похож на дым. Вдобавок начинается дождик – такой, когда намокаешь сразу, поэтому все забиваются в шатер. В нем мамин голос лучше слышно, чем снаружи, она говорит:

– Кармел, стой на месте. Стой так, чтобы я тебя видела. Я тебя уже несколько раз теряла из виду.

А я ничего такого не делаю – просто хожу, чтобы рассмотреть книжки.

Столы завалены книгами, целые горы книг, и она покупает мне парочку. Когда она расплывается, я оборачиваюсь и утыкаюсь носом в живот какого-то мужчины. Смотрю вверх – это тот самый мужчина из моего рисунка. Он высокий и весь какой-то «старинный», что ли, мне трудно это объяснить. Нет, у него нет на голове шляпы-цилиндра и длинных волос тоже нет, но все равно он не такой, как все остальные, он как будто пришел из прошлого. На нем белая отглаженная рубашка без воротника и черный грубый костюм. Я улыбаюсь ему, но он уже ушел.

Я снова поворачиваюсь к маме, она как раз берет пакет с книжками у продавщицы.

Даже тут, в шатре, она хочет держать меня за руку, крепко-крепко, не выпуская ни на секунду. Ну, немножко я могу потерпеть, а если мне нужно остановиться у стола и взять книжку, рассмотреть? Ведь это же бесит ужасно.

– Посмотри, посмотри туда! – Я показываю в сторону.

Там висят на ниточках кукольные рыцари на лошадях и сами собой движутся и подпрыгивают. Я хочу подойти поближе к ним и рассмотреть, как они устроены.

Она меня даже не слышит, рука у нее потная и скользкая, я растопырываю свою ладонь, как клешню, чтобы ей было труднее меня удержать.

– Если ты не будешь держаться за руку, мы сейчас же отправимся домой, – говорит она противным строгим голосом, и я начинаю сердиться на нее за то, что она портит такой прекрасный день. Но я стараюсь не злиться, а объяснить:

– Я просто хочу посмотреть книги, а ты меня не пускаешь.

– Ну, мы можем разнимать руки возле прилавка. Ты согласна? – Она чуть-чуть улыбается натянутой улыбкой, совсем ненастоящей.

– Ну, ладно, – говорю я. Я все еще сержусь на нее, потому что мне больше не весело теперь, когда я вижу, что она боится.

Мы подходим к прилавку с целой горой книг.

– Давай посмотрим вот эту, – просто говорю я, чтобы отделаться от ее руки.

Я рассматриваю книги, они все такие малышовские – «Куда пропала Капелька?» и тому подобная ерунда. Но мне ужасно не хочется снова попадать ей в лапы, поэтому я разглядываю все медленно, внимательно. Вот Капелька в своем домике, вот на прогулке. От этих малышовских книжек я злюсь еще сильнее, но продолжаю их рассматривать и подолгу пялюсь на каждую картинку.

– Что тебя так заинтересовало, Кармел? Это же для малышей.

– Я хочу посмотреть вон ту книжку. – Я обхожу стол.

Я листаю книжку со сказками. Рисунки так себе, но я изучаю каждый: принцесса со своей горошиной, Золушка в лохмотьях, волк в красной шапочке – вид у него дурацкий. Я

оглядываюсь в поисках новой книжки. Люди насаждают на меня, кто-то задевает мешком по голове.

Настроение у меня немедленно портится. Таким ужасным оно редко бывает, и мне это очень не нравится. Кажется, что все кругом плохо, а я хуже всех. Сейчас мне хочется остаться одной. Вернуться обратно в утро, когда небо было такое ясное и все было так чудесно. В шатер набилось много людей, потому что начался обеденный перерыв, и все хотели спрятаться от дождя и купить что-нибудь. Меня так прижали к столу, что я чуть не сломалась пополам.

И тут мне пришла в голову мысль – протиснуться вниз и залезть под стол. Так я и сделала. Скатерть не доставала до пола, но все равно под столом было спокойно, уютно и укромно. Я решила, что буду наблюдать за мамиными ботинками – она заправила в них джинсы, – и выберусь в нужный момент.

Под столом стояла коробка с книгами, я заглянула в нее – там была куча книжек, которые мне читали, когда я была ребенком. Я вытащила одну. Это совсем не то что книжка про щенка Капельку. Я не чувствовала себя несмышленьшей, а как будто чуточку возвращалась в свое детство, но это было даже приятно. Поэтому я стала читать «Шалунов» и смотреть картинки. Иногда я даже трогала их пальцем, сама не знаю зачем.

Когда я дочитала до конца, мне показалось, что прошло сто лет. А может, и нет. Иногда что-то такое происходит, и мне кажется, что я нахожусь где-то далеко. Так же было в тот раз, о котором рассказывал директор: я сидела на скамейке и смотрела на цветущее дерево – а мой ум ускользнул, и в мире остались только дерево и я. Потом он ускользнул еще дальше, и я очутилась в узком темном туннеле, в котором уже бывала когда-то, но в тот раз я там пробыла очень-очень долго. Только я не хотела даже ни словечка говорить об этом никому.

И вот сейчас такая же штука случилась с этими «Шалунами» – остались только книжка и я, но в туннель я все же не проваливалась. Просто мне на какое-то время снова стало пять лет, и это было очень приятно.

Вокруг стола стало гораздо меньше ног, и я выбралась наружу. Я испугалась – а вдруг, пока я сидела под столом, прошло очень много времени? Откуда мне знать? Я огляделась и не увидела мамы.

Я стала опять разглядывать книги. Я не знала, чем еще заняться. Потом решила – надо ее искать. Может, она ждет меня у конца прилавков. Я дошла до конца, но ее там не было. Я постояла немного. Потом я подумала – наверное, толпа оттеснила ее в конец очереди, но я не смогла найти этот конец, он как-то переходил в начало. Теперь мне, наоборот, ужасно хотелось, чтобы мама была рядом. У меня даже дыхание стало частым-частым, так мне хотелось ее найти. Я походила по шатру. Несколько раз возвращалась к тому столу, у которого мы потерялись, может, два, может, три раза, но ее там не было. Тогда я вышла из шатра и пошла по полю.

Теперь верхушки шатров и флаги нельзя было разглядеть из-за тумана – только люди были видны, и то, если близко. Звуки стали тихими, приглушенными, как будто на голове лежит подушка. Я засунула руки поглубже в карманы пальто, чтобы успокоиться, и подумала: ну все, чудесный день прошел, пора возвращаться домой – значит, нужно идти на поезд. Я стояла и раздумывала, как быть, а люди – я их не видела, только слышала их голоса – сновали вокруг.

Потом прямо передо мной из тумана вырос тот самый человек в круглых очках. Из-за тумана он появился внезапно, непонятно откуда, словно призрак.

– Боже мой! – Он выглядит огорченным, лицо сморщилось.

– Что такое? – спрашиваю я. Горло у меня так перехватывает, что становится больно, и дышать трудно.

– Боже мой, боже мой, – повторяет он. – Какой кошмар!

Голоса людей сквозь туман напоминают жужжание пчелы, которую я видела утром. Я сжимаю ладони изо всех сил, так, что ногти впиваются в кожу, потому что мне кажется, что я сейчас упаду.

– Где моя мама? – Я хочу закричать, но мой голос еле слышен, потому что в горле стоит ком.

Его лицо немного расправляется и делается уже не таким огорченным:

– Как тебя зовут? Назови свое полное имя.

– Кармел Саммер Уэйкфорд, – отвечаю я и стараюсь не заплакать. Но все это так ужасно, что сил больше нет, и я громко всхлипываю, и сопли текут из носа.

Он кивает, как будто как раз меня искал и наконец-то нашел, и говорит тихим голосом:

– Понимаешь, Кармел. Твоя мама. Она попала в страшную аварию.

У меня в ушах раздается жуткий звон, туман отделяет нас ото всех людей, остаемся только мы вдвоем.

– Кто вы такой? – спрашиваю я.

– Я твой дедушка, – отвечает он.

Ничего, говорю я себе. Все будет как тогда, в лабиринте. Я чуть не сойду с ума, буду бегать по полю, как сумасшедшая, разыскивая ее, но в конце концов мы встретимся.

Туман становился все гуще и холоднее, я то и дело спотыкалась о пустые пластиковые бутылки, о кочки.

– Кармел! – кричала я что было мочи. – Где ты?

Я все кричала и кричала, но туман не приносил ответа. Он поглощал мой голос, засасывал его в свою белизну. Больше всего я желала поймать глазом красное пятнышко, похожее на головку мака, который гордо выделяется среди колосков. Но перед глазами была только пестрая смесь красок, размытых из-за тумана, словно смотришь сквозь кисею. Я подумала, что нужно идти к выходу и просить, чтобы сделали объявление по громкоговорителю. Или бежать в пункт «Скорой помощи» – может, она упала, и ее отвели туда, и теперь она сидит там с лейкопластырем на коленке, а медсестра говорит ей: «Ну, вот так, все в порядке. Сейчас мама придет за тобой».

Люди вдоволь навеселились и захотели домой. Поле опустело, все скопились у выхода – это была временная арка с зубцами, вырезанная из фанеры, – и мне пришлось пробиваться сквозь толпу. Я толкалась и пихалась без всяких церемоний, только приговаривала через плечо вместо извинения: «Я потеряла дочку, пустите меня». Несколько человек спросили, не нужна ли мне помощь, но я не теряла времени на ответы.

– Кармел, где ты, где ты?

В билетных кассах возле арки не было ни души – видимо, организаторы полагали, что вряд ли найдутся желающие прийти на фестиваль в конце дня, и я стала проталкиваться обратно, не переставая кричать, пока вконец не охрипла:

– Кармел! Кармел!

Я вернулась в тот шатер, где потеряла ее. Еще не время паниковать, твердила я себе, еще не время. Успокойся. Возьми себя в руки сию же секунду.

Прилавок, у которого мы стояли, был наполовину пуст – много книг раскупили. Я хотела расспросить продавца, но его уже не было. Я подумала: как же они оставили книги без присмотра, ведь их могут украсть.

– Кармел, – позвала я. – Где ты?

Какой-то мужчина положил руку мне на плечо:

– Что случилось, милочка?

– Моя дочка. Не могу найти ее. – Только тут я поняла, что у меня в глазах стоят слезы.

– Ах, боже мой, боже мой. Вам нужно пройти в главный шатер. Там вам помогут. Возможно, она уже ждет вас там.

– Да, спасибо. Спасибо. А где это?

– Спросите у кого-нибудь из сотрудников, вам покажут.

Я вытерла глаза.

– Не волнуйтесь, милочка, – сказал незнакомец. – Она отыщется. Моя дочка тоже все время терялась, когда была маленькой.

Я послушалась его совета и пошла на поиски администратора. Он прав, думала я. Тут должен быть какой-то специальный шатер или место для потерявшихся детей. Но туман так все затянул, что шатры невозможно было разглядеть. Меня снова охватила паника. Среди

такого множества людей я почувствовала себя одинокой – это было новое и ужасное одиночество.

Что, если, что, если... я никогда снова не увижу ее? Нет. Нет. Нет, только не это.

Я споткнулась, чуть не упала, выпрямилась. Прекрати, не смей думать об этом!

Я попробовала снова звать ее, но мой голос сорвался на писк. Волна ужаса накатила на меня. Я протянула руку и молча схватила какую-то женщину за красный рукав.

– Отпустите меня, – сказала она. – Отстаньте от меня.

Она стряхнула мою руку и исчезла в тумане.

Мимо прошел человек на ходулях, они были так близко, что можно было дотронуться до них. Я собрала все остатки голоса и вытолкнула их из глотки, чтобы получился крик: «Пожалуйста, помогите мне. Помогите!» Мне было наплевать, что обо мне подумают, пусть принимают за сумасшедшую, за ненормальную.

Ходули остановились, потом стали надвигаться на меня, и я снова закричала. Ходули замерли, с них спрыгнул молодой человек с косичками на голове и встал рядом со мной.

– Вам нужна помощь? – Его костюм состоял из ярких заплаток, но под разноцветной курткой виднелись крепкие плечи – как-никак он проходил на ходулях целый день. Я вспомнила мужчину в кепке из лабиринта и испытала облегчение. Человек на ходулях – он из организаторов, он знает все, он скажет, куда нужно обратиться.

– Моя дочка, она потерялась, – выпалила я.

– Где вы ее видели в последний раз?

– В шатре, где продавали книги.

– Наверняка там многие потерялись. Очень досадно, что это случилось сегодня, во время столь длительного мероприятия. Туман с моря, конечно, ухудшил ситуацию. Должно быть, его спровоцировала жаркая погода, которая была с утра.

От его рассудительных слов мне стало немного спокойнее: он сказал, что много людей, по всей видимости, сегодня потеряли друг друга, так, словно это недоразумение, с которым легко можно разобраться.

– Я отведу вас в шатер администрации, и они объявят по громкоговорителю сообщение. Она отыщется, и вы преспокойно отправитесь домой.

И он повел меня через поле, держа ходули под мышкой.

Туман проник и в шатер, он стелился понизу, и мы шли как будто по облакам. Женщина с ярко-рыжими, наверняка крашеными волосами – их рыжина выглядела неестественно – прохаживалась туда-сюда и говорила по мобильному телефону, и я почему-то заметила, что к ее каблук приклеился обрывок коричневой бумажки. На вытопанной траве разные люди паковали вещи в коробки.

Парень в заплаточном костюме подвел меня к рыжеволосой с мобильным телефоном.

– Эта дама потеряла свою дочь, – сказал он. Затем отошел, вернулся со складным стульчиком и предложил мне сесть. Но я не хотела садиться.

Рыжеволосая посмотрела на меня цепкими голубыми глазами и неохотно спрятала телефон в кожаный футляр, который висел у нее на поясе и напоминал португепю.

– Я полагаю, она потерялась в толпе. Сколько времени прошло с тех пор, как вы ее видели? – Когда она произнесла это, на языке сверкнул серебром пирсинг. Она говорила так, словно пропажа ребенка – мелкая неприятность, с которой можно справиться одним щелчком пальцев, а вообще-то ее предназначение – более важные дела.

Я посмотрела на часы и вместе со вспышкой острой боли в горле осознала, что прошло

не более часа.

– Давно. Полтора часа назад. Даже больше. – Я решила преувеличить, потому что понимала: она не воспринимает меня всерьез, у нее нет дочери, и детей она считает пустой тратой времени.

Она переступила с ноги на ногу и тут заметила клочок бумаги на каблуке. словно балерина, она закинула ногу назад, придержала одной рукой, а другой сняла бумажку.

Проделав это, она сказала:

– Я могу сделать объявление.

– Пожалуйста, прошу вас. Если можно. Ее зовут Кармел, на ней красное шерстяное пальто.

– Сколько ей лет?

– Восемь. Восемь лет.

Она подошла к радиотрансляционной установке, которая стояла на столике, а парень с косичками смотрел на меня большими добрыми глазами:

– Не волнуйтесь. Сегодня все смешалось из-за погоды.

Я молча кивнула в ответ.

– Внимание. Прошу внимания. Потерялся ребенок. Потерялась девочка. Зовут Кармел. Одеты в красное пальто. Возраст восемь лет. Если вы ее встретите, приведите в большой шатер в конце поля. Потерялся ребенок...

Я выбежала наружу и попыталась искать ее на поле, хотя видимость была ужасной. Я вернулась. Рыжеволосая уже разбирала коробки, откладывая в сторону стопки неиспользованных программ.

– Пожалуйста, объявите еще раз! – крикнула я.

– А не могли бы вы... – Глубокая морщина пролегла у нее между бровями.

Парень в заплатках заметил, что ситуация накаляется, и вмешался.

– Объявите еще раз, – сказал он рыжеволосой.

– А мы с вами пока пойдем, ходим по полю, – повернулся он ко мне. – Меня зовут Дэйв.

Он взял меня за руку, его коричневые пальцы оказались жесткими и сильными.

– А вас как?

– Бет, – промямлила я.

Поляна превратилась в месиво листовок, палочек от леденцов, раздавленных пластиковых стаканчиков. От этого месива поднимался запах густой, сладковатый и холодный, с примесью чего-то непонятного. Из шатра снова раздалось объявление, но никто не обратил на него особого внимания. Дэйв помогал мне обследовать маршрут, поддерживая за руку. Мы снова пришли в шатер с книгами – он звал Кармел по имени звучным, рокошущим голосом и заглядывал под столы. Я делала то же самое.

– Хорошо. А теперь займемся полем.

После каждого обхода поля мы возвращались в шатер к рыжеволосой, узнать, не появилась ли Кармел. Каждый раз я надеялась, что увижу красное пятнышко между коробками или глаза, тревожно выглядывающие из занавески шатра, и каждый раз напрасно, и на меня накатывала тошнотворная паника. Паника нарастала, постепенно усиливаясь, словно кто-то пел одну и ту же ноту, но все выше и выше.

Время двигалось рывками, и мне трудно было сказать, сколько прошло – много или мало. Я взглянула на часы, когда мы снова прочесывали поле, но я шла очень быстро, почти

бежала, а шок мешал мне понять, что показывают золотистые стрелки.

И снова в шатер к рыжеволосой. Никого. И снова объявления.

Нет, нет, нет. Да, такое уже было – лет пять назад. Я не помню, нашла ли она. Надеюсь, что да, какой ужас, что я не помню. Пол. Мне нужно поговорить с Полом. Рассказать ему, позвать на помощь. Он будет психовать, рассердится, что я потеряла ее. Я не в силах думать об этом, я просто хочу...

– ...вернуть ее. – Я не заметила, как эти слова произнесла вслух, точнее провыла.

– Что? – растерянно спросила рыжеволосая с мобильником.

– У вас ведь есть телефон?

В ту пору еще не у всех были мобильные телефоны, и я все откладывала покупку из-за дороговизны.

– Да.

– Вызовите полицию, прошло уже слишком много времени, – сказала я через плечо, обернувшись. Я все время выглядывала из шатра, не покажется ли Кармел.

Рыжая набрала номер раз, потом еще раз – проблемы со связью. Вне зоны покрытия, так она объяснила. Хотя я точно знаю, я где-то слышала, что в экстренные службы можно дозвониться отовсюду. Она просто не хочет, подумала я, считает меня истеричкой. Но потом она сообразила, что это у нее телефон разрядился, и попросила у кого-то из тех, кто упаковывал ящики, еще один.

На поле почти никого не было. Я посмотрела на часы и постаралась сосредоточиться. Время высветилось резко и отчетливо: прошло два часа. Два реальных часа, уже без всяких выдумок, которыми я хотела привлечь внимание рыжей.

– Скажите им, что прошло целых два часа, обязательно скажите.

– Да, мать находится здесь, рядом со мной, – говорила она в трубку. – Да, правильно...

Я выхватила телефон:

– Пожалуйста, умоляю, приезжайте как можно скорей! Уже прошло столько времени, как она исчезла, целая вечность. А она не из тех, она не такая, это на нее не похоже, – говорила я. Да, я кривила душой. Но надо же было как-то, хоть как-то заставить их отнестись ко мне серьезно. Мой голос поднимался выше и выше, пока не сорвался на крик, как от боли.

Рыжая взяла у меня трубку и объяснила, где находится площадка фестиваля и как нас тут найти.

Обстановка в шатре изменилась. Люди продолжали паковать вещи, но притихли и отводили глаза, как будто присутствовали при несчастном случае, который старались не замечать. Ноги у меня задрожали, и я рухнула на стул, который принес Дэйв. Рыжая села на соседний. Она заметно подобрела.

– Едут, – сказала она.

Вечером на поле не осталось людей, но догадаться об этом можно было только по наступившей тишине. Туман захватил все, и его белую толщу прорезали только фонари полицейских. Их, по-моему, приехало не так уж много. Нужно бы, чтобы прибыло целое подразделение, большой отряд полиции.

Иногда полицейские автомобили включали фары, и когда они разрезали туман, в нем появлялись голубые трещины. Окружающее напоминало сон. Возникло странное чувство, будто находишься под водой или в гигантском сосуде с густым клеем, и казалось – если туман рассеется, мы увидим ее: стоит посреди черного поля, замерев от страха, а на красном

пальто – капельки воды. Еще казалось, что это какой-то фильм и мы – персонажи в нем, а туман служит экраном и на нем не хватает только вспышки красного пальто.

– Я лучше поеду домой.

Успокаивающие голоса вокруг меня. Три или четыре голоса сразу, готовых усмирить мое отчаяние. Направить события по нужному руслу.

Мне было трудно стоять прямо, и я оперлась коленом о стул.

– Я должна поехать домой. Вдруг она там. А у нее нет ключа. Она не может войти в дом.

Теперь только один успокаивающий голос. Он принадлежал высокому худому человеку с рыжеватыми волосами, который приехал битых полчаса тому назад и теперь, похоже, тут всем заправляет. Как его зовут? Голова мне отказывала. Детектив... как его... Энди.

– Мы вот как поступим, Бет. Мы вот что сделаем. Мы пошлем кого-нибудь к вам домой. Вы дадите нам ключи, и мы пошлем человека. А еще лучше будет, если вы скажете, где можно найти фотографию Кармел, вот так будет лучше всего, правда, Бет?

Он улыбался ободряюще, словно ему в голову пришел блестящий план и он предлагал разделить с ним его. В слабом свете его лицо казалось восковым – может, сейчас оно растает, а я проснусь, как от удара, и испытаю облегчение. Но вместо этого волна ужаса опять накрыла меня.

– Пожалуйста, ну пожалуйста, найдите ее. Умоляю, – слышала я свой лепет. Я посмотрела на часы: прошло четыре с половиной часа. Но он снова что-то толкует про фотографии:

– Недавние снимки. Самые свежие, какие есть. Мы отвезем вас домой, но по дороге заедем в участок и напишем подробное заявление.

– О нет, нет. – Я вдруг испугалась при мысли, что придется покинуть это поле. Приехать вдвоем, а уехать одной – это значит признать факт, что она исчезла.

– Бет, я хочу, чтобы вы помнили, – его светло-карие глаза с редкими ресницами пристально посмотрели в мои, – вы должны помнить, что вы не одна. Вон нас сколько, – и он показал широким жестом за спину, туда, где виднелись фонари, слышались голоса в тумане, голубые фары прочесывали воздух. – Мы все с вами и все за вас.

Я отдала ключи и позволила отвести себя в полицейскую машину. Энди поддерживал меня под руку и нес фонарь, чтобы подсветить нам путь. Свет выхватывал какие-то фрагменты: усыпанную мусором слякоть под ногами, пустые хлопающие шатры – праздник превратился в гигантскую помойку. Теперь предстояло разобрать все эти конструкции, и у входа сучились рабочие, они курили и переминались с ноги на ногу. Подойдя ближе, я увидела оранжевые огоньки сигарет и услышала смех, который оборвался со словами:

– Тсс, тише. Это мать, она идет сюда.

В нашей жизни чужое несчастье вызывает либо нежелание замечать его, либо жгучий интерес. Одни опустили глаза, а другие внимательно разглядывали меня, пока я шла мимо. Рабочий в фетровой шляпе сказал с польским акцентом:

– Господь с вами, женщина, с вами и с вашей дочкой. Я молюсь Деве Марии...

Наконец-то я на заднем сиденье машины. Энди сел рядом, на лицо его легли синие и красные отсветы автомобильных фар.

– Постарайтесь взять себя в руки, – сказал он очень тихо и спокойно. – Дети иногда уходят от родителей и теряются.

– Она не могла так поступить. Не могла уйти от меня. Так надолго.

На поворотах его прижимало ко мне. Он повернулся и улыбнулся:

– Разве это не значит, что все будет хорошо?

Но ничего хорошего не было. В полицейском участке стало окончательно ясно, что все очень плохо. Банальности, которые изрекал Энди, были лишь уловкой, чтобы погасить мою истерику. Я увидела, что они намерены привести в действие какой-то план. Они понимали... они понимали, что умная симпатичная девочка восьми лет не просто заблудилась. И не вернется сама. Они же ничего не знали про те случаи, которые бывали раньше. И я не хотела им рассказывать. В полицейском участке оказалось еще больше глаз, они смотрели на меня со страхом, жалостью, укором, смущением: женщина, которая сидела за конторкой, мужчина, который отпирал комнату для допросов, женщина, которая вела меня по залитому флуоресцирующим светом коридору. К исполнению служебных обязанностей она приступила после того, как старательно накрутила глаза перед зеркалом в туалете. И я заметила две бирюзовые вспышки, прежде чем она опустила веки и уставилась в пол.

– Нам нужно составить заявление, как полагается, – сказал Энди.

В комнате за столом сидела женщина, круглолицая, хорошенькая.

– Это Софи, она, как мы это называем, специалист по работе с родственниками. Она здесь ради вас, Бет, чтобы оказать вам любую помощь, какая потребуется...

Софи посмотрела на меня. Взгляд задержался на мне на одно мгновение, но он был глубоким, пронизательным. Как будто она проникла внутрь меня и оценила мое состояние. Через секунду она улыбнулась и сказала:

– Бет, если у вас есть вопросы, задавайте. Может, вам что-то нужно? Скажите мне.

Что мне нужно? Мне нужна моя дочь, больше ничего.

– Здравствуйте, Софи. Благодарю.

Я села напротив них за поцарапанный деревянный стол и стала отвечать на их вопросы. Они записывали мои ответы в блокноты и на магнитофон. Я старалась отвечать как можно точнее, пыталась сосредоточиться на вопросах, но волны отчаяния накатывали и уносили внимание прочь, поэтому мне приходилось переспрашивать вопрос.

– Расскажите нам об отце Кармел, нужно как можно скорее связаться с ним. Мы позвонили по домашнему номеру, который вы дали, и подъехали к дому, но там никого нет.

Мне стало их так жаль – Пола и Люси. Нежный бутон их чувства вот-вот превратится во что-то грубое и хрупкое – в розочку из этих ужасных керамических венков, которые встречаются на кладбище на грязных могилах.

– Господи, можно я позвоню ему? – Я начала рыться в сумке в поисках ежедневника, на титульном листе которого был нацарапан номер его мобильного. Я сообразила – это все, что у меня есть, номера стационарного телефона я не знаю, а эта ниточка такая ненадежная. Софи ласково положила ладонь на мое плечо:

– Чуть погодя. Вы сказали, что вы разведены. После развода были проблемы?

– Нет, ничего серьезного. Я имею в виду, одно время он не навещал нас. Предполагалось, что он будет видеться с дочерью каждые выходные, а он несколько месяцев не приходил. Потом вдруг приехал и повез ее в город.

– То есть он не соблюдал договоренность о встречах с ребенком?

– Вроде того. Точнее, нет, ничего подобного... Дело не в этом. Просто у него сейчас роман с одной девушкой, и его, конечно, сильно поглощают эти отношения. Мы только-только начали общаться снова. Я имею в виду, нормально. Было очень тяжело.

Они переглянулись.

– Как вы думаете, существует ли вероятность того, что он забрал девочку? – спросил

Энди. – Я понимаю, это трудно вообразить, но порой отцы совершают очень странные поступки после развода. Похищают детей ни с того ни с сего и никому ничего не говорят.

– Нет, Пол на это не способен. Он, как бы это сказать... У него кишка тонка для этого. Кроме того, вряд ли он знал, куда мы поедем сегодня. Нет, нет, вы попали пальцем в небо. Это не он. Ищите в другом месте.

И все-таки мне закралась в голову мысль – а вдруг я упомянула при нем, куда мы поедем, и он задумал похитить ее. Я посмотрела в темноту за окном.

– Он, наверное, сейчас дома, – сказала я. – Не думаю, что они куда-то ходят по вечерам. Софи быстро вышла. Наверное, распорядиться, чтобы отловили Пола. Скоро возле их домика притормозит полицейская машина. Голубой луч пролезет в окно, поползет по стенам их гостиной.

Смотрю на часы: восемь вечера. Сидеть неподвижно очень тяжело. Невыносимо. Как будто я привязана к металлической решетке, на которую подают разряды тока, они заставляют меня дергаться и подскакивать, а я должна сидеть прямо и смотреть на этих двоих. Растущую панику я загнала в глубь тела, чтобы голова могла работать, и рассказала им все, что они хотели знать. К счастью, они обходились без комментариев. Я то ходила туда-сюда, то била рукой по голове, то падала на стул, свесив руки вдоль тела. Они не возражали, лишь бы я продолжала рассказывать. Я рассказывала: кто, когда, где, с кем, школа, друзья, дедушки, мои знакомые мужчины, глаза – голубые или карие, волосы – цвет, длина, густота, кудрявость.

Принесли альбомы с фотографиями и положили на стол – было странно видеть их, вырванными из домашней обстановки, здесь, рядом с подмигивающим магнитофоном. Я как раз описывала, наморщив лоб и стараясь быть как можно точней, цвет ее волос. Ни блондинка, ни брюнетка. Наконец-то я нашла подходящее сравнение: «как бумага на коричневом почтовом конверте».

– Быстреей, быстреей!

Мы бежим к стоянке автомобилей, и он все время торопит меня. Он-то высокий, ноги длинные, конечно, он бежит быстреей. Он оглядывается на меня и твердит испуганно:

– Нельзя терять ни минуты. Быстреей, поднажми еще, ну, изо всех сил!

Я и так бегу изо всех сил и поднажать еще не могу. Трудно бежать, когда ты плачешь, из носа текут сопли и нет времени достать из кармана платок, который, я знаю, там лежит. Мы добегает до его машины, она белая. Я заметила ее только тогда, когда мы подбежали вплотную, потому что она такого же цвета, как туман.

– Срочно едем в больницу, – говорит он и открывает дверь.

Я сажусь на сиденье рядом с ним. Машина очень чистая, и сиденья, тоже белые, даже блестят. Он трогается с места, а я тру лицо ладонями, хочу вытереть сопли и слезы, но они только перемешиваются между собой и засыхают, так что у меня на лице образуется противная корка.

Мы едем медленно, потому что впереди нас много машин, которые тоже отъезжают.

– Что случилось? – спрашиваю я. Мне кажется, что весь мир куда-то проваливается, и никогда в жизни мне не было так страшно. Как будто я оказалась в телевизоре, в одной из этих страшных программ, или в чужой стране, где падают бомбы и извергаются вулканы.

Мне не видно его глаз, потому что туман за окном отражается в его очках.

– Боже мой, – говорит он. – Мама искала тебя на стоянке автомобилей, и ее переехал грузовик.

– О нет, нет, нет! – Я поднимаю руки, словно сверху на меня падает что-то тяжелое, а я хочу закрыть голову. – Она... она... жива?

– Жива, да. – Его губы вытягиваются в нитку. – Жива, но травмы очень тяжелые, Кармел. Она думала, что ты сбежала от нее.

– Я не сбежала! – кричу я и поворачиваюсь в его сторону, чтобы он лучше понял. – Я не сбежала! Мы просто потеряли друг друга.

И тут я замолкаю, потому что чувствую страшную вину. Только теперь вина – это не маленький камушек в животе, а огромный камень, такой огромный, что не вмещается в животе и подкатывает к горлу. У меня ужасное чувство, что это я во всем виновата, потому что не хотела держать ее за руку и быть хорошей девочкой. Я вела себя плохо, по правде говоря. Я представила себе, как из-под грузовика торчат ее коричневые ботинки – так из-под домика, который приземлился на ведьму, торчали ведьмины ноги на рисунке из книжки «Волшебник страны Оз». То есть совсем не так, ничего общего, потому что книжка – это выдумка, и ведьма была злая, а мама никакая не ведьма, она добрая, и даже если иногда мы немножко ссорились, какая разница.

Я плачу, плачу долго, но дедушка не говорит ни слова. Слезы смыли корку из соплей, а глаза от слез так распухли, что не помещаются в голове. Я вытаскиваю из кармана платок и вытираю нос, но платок очень маленький, все течет у меня сквозь пальцы.

– Вот, возьми. – Дедушка протягивает руку и достает с заднего сиденья упаковку бумажных платков.

Я понимаю, что такого необычного в его голосе: он говорит, как ирландец, что ли, а я понятия не имела, что мамин дедушка был ирландец.

Мы выезжаем на шоссе, я перестаю плакать на минутку и в первый раз внимательно разглядываю его. Самое приметное в нем – то, что он какой-то бесцветный. У него светлые волосы, аккуратно подстриженные, и туман отражается в его очках, как будто они заклеены кусочками бумаги, и только серебристая оправа очков поблескивает.

Мне вдруг приходит в голову – он похож на привидение, и я спрашиваю:

– А почему ты с нами не поздоровался, когда мы встретились тогда?

– Ах, Кармел. Ты же знаешь, что мы с твоей мамой в ссоре. – Он поворачивается и смотрит на меня, а не на дорогу, хотя управляет машиной. – Неблагодарность детей так трудно пережить.

– А откуда ты узнал, что мы будем на фестивале? – спрашиваю я. Мне это раньше не пришло в голову. Теперь, когда я перестала плакать, заработал мой ум, и он пытается понять, как чудесный день превратился в кошмар, который к тому же состоит почти из одних загадок.

– А я и не знал. Я просто увидел тебя и понял – вот она, моя малышка Кармел.

– Но как ты понял, что это я?

Мама ничего почти не говорила про своих маму с папой, разве что: «Мы не поддерживаем отношений. Это очень плохо». Я жалела, что у меня нет бабушки с дедушкой, когда друзья рассказывали про своих, как они гуляют вместе или пекут печенье и всякое такое.

– Твоя мама посылала мне фотографии каждый год. На Рождество.

– Правда?

– Да, и мы говорили по телефону несколько раз. Мне хотелось знать, как у вас дела, хотя мы и не виделись.

Я подумала – наверное, они разговаривали поздно вечером, когда я спала, потому что ни разу не слышала.

Он поворачивается и слегка улыбается мне, и тут я вижу его глаза. Они светло-голубые и какие-то туманные, но видно, что они добрые, и голос звучит так участливо, как будто он по телефону спрашивает, как дела.

– Я понимаю, ты хочешь задать множество вопросов. Но сейчас у нас мало времени. Какая все же невероятная удача, что я оказался на фестивале. Ты даже не представляешь, как я рад.

Я молчу в ответ, потому что не вижу тут никакой удачи и не понимаю, чему сейчас можно радоваться. Все пошло наперекосяк с той минуты, когда дракон коснулся моего лица своими крыльями и все вокруг почернело.

Машина движется в тумане, я совсем не понимаю, где мы, и мне начинает казаться, что в целом мире никого не осталось, кроме нас двоих, и едем мы не по дороге, а по облакам. Похоже, сегодня такой день, когда может случиться все, что угодно. Мы с мамой видели даже, как птицы исчезали в шляпе одного мужчины. Я нащупала пальцами какие-то узелки на сиденье – оказывается, там черный шов на белой обивке. Я дышу медленно и глубоко, как учила мама, когда я маленькая упала и вся была в крови.

– Больница уже близко?

– Да, совсем рядом.

Но мы все едем и едем и никак не приедем, и мне снова становится страшно.

– Скажи мне точно, сколько минут еще ехать, – прошу я.

Он издает короткий смешок и какой-то странный звук горлом.

– Я вот что тебе скажу, моя милая. Давай я позвоню в больницу и узнаю, как там мама.

Неплохая мысль? – Он поворачивается и улыбается.

– Да, пожалуйста. – Мой голос еле слышен.

Он съезжает на обочину, и мы останавливаемся на траве. Он достает телефон из кармана, открывает дверцу машины.

– Снаружи лучше сигнал, – говорит он и хочет выйти, но вдруг спохватывается: – А у тебя есть телефон, моя милая?

– Нет.

Он кивает и выходит из машины.

Мне видна в окно только нижняя часть его туловища – он нажимает на кнопки телефона, – а потом туман скрывает его целиком. Как я хотела телефон на день рождения! Но мама с папой сказали «НЕТ», телефон я получу, когда подрасту, потому что от телефона у детей мозги закипают. Я рассказала об этом Саре, и она схватилась за голову и изобразила шипенье, как будто вода в кастрюле закипает, потому что ей-то подарят телефон на день рождения.

Он остановил машину совсем рядом с каменной стеной, поэтому из окна я мало чего могу видеть – только какие-то колючки, которые торчат над ней, да щели между камнями. Я подумала – может, выйти из машины, но стена мешает открыть дверь с моей стороны. А перелезть на другую сторону страшно – не хочется запачкать ботинками белые сиденья. Я вся заледенела, и к тому же теперь, когда дедушка был не рядом со мной в машине, а где-то снаружи, мне снова стало страшно – ведь я его совсем не знаю. И неизвестно, как мама отнесется к тому, что я с ним, а страшнее всего была мысль, что она не знает, где я, от этой мысли меня прямо бросало в дрожь. Дверь открывается, от неожиданности я аж подпрыгиваю, и дедушка догадывается, что я испугалась. Это можно понять и по моему лицу, и по тому, как я сжимаю руки одну в другой.

– Не хочу огорчать тебя, Кармел. – Он садится рядом и кладет руку мне на плечо. Голос у него добрый и ласковый.

Я киваю. Мне немного лучше становится оттого, что он вернулся и знает, что делать, куда идти и все такое.

– Не хочу тебя огорчать, но я должен тебе сказать... Боюсь, что мы не сможем поехать сейчас в больницу.

Я подскакиваю, как на пружине:

– Почему? Почему?

Он защелкивает дверь со своей стороны.

– Маму увезли в зал. Мы не сможем увидеть ее.

Еще одна загадка.

– Какой еще зал? Почему ее увезли в спортивный зал?

Он улыбается немного криво, одной стороной рта больше, чем другой.

– Ты не поняла, моя милая. Имеется в виду операционный зал. Так называют место, где врачи делают людям операции. Врачи пытаются спасти ее, и они спасут. Не правда ли, это очень хорошая новость, Кармел?

– Да, наверное, – бормочу я. Но мне как-то не нравится эта картина: мама лежит на большом столе под яркой лампой, а врачи разрезают ее, пока она спит.

– Так что нет никакого смысла ехать туда сегодня. Они сказали, что завтра позвонят. Ты хочешь пить, моя милая?

Я киваю. В горле у меня пересохло. Он открывает ящик для перчаток и вынимает бутылку с водой. Она наполовину пуста, значит, из нее уже кто-то пил, мне это неприятно, и я стараюсь не прикасаться губами к горлышку.

– Мы поедем сейчас ко мне, побудем у меня какое-то время. Пока не получим известий из больницы. Я организую тебе что-нибудь поесть.

– Хорошо, – соглашаюсь я, хотя его, похоже, не интересует мое согласие.

Он заводит машину, и мы снова выезжаем на дорогу.

– А папа? – вспоминаю я.

– Да, я только что говорил и с ним. Он сейчас мчится в больницу и очень рад, что есть кому позаботиться о тебе. Он сказал, что из-за стресса плохо соображает.

– А...

Да, это очень похоже на папу. Я откидываюсь на сиденье, ужасно клонит в сон, но я стараюсь не засыпать. У меня только одна мысль – больше всего на свете я хочу оказаться дома с мамой, и чтобы все было, как прежде. Чтобы не было этой дурацкой сказки про фею, которая должна заслужить себе крылышки. И даже встречи с настоящей писательницей. Где они, все эти феи и писатели, теперь, когда человеку нужна помощь? Нету их. А если бы я оказалась снова с мамой и все было бы хорошо, то я бы никогда-никогда больше не отходила от нее ни на шаг. Я была бы с ней всегда. Держала бы ее за руку. И даже за забор во дворе не выглядывала бы. Никогда.

Едем мы очень долго. Наступает ночь, за окнами машины становится темно. Я так устала, что засыпаю.

Когда просыпаюсь и вижу ветровое стекло автомобиля, мне кажется на мгновение, что я смотрю в большой телевизор с разбитым экраном, через него смутное изображение пытается проникнуть по эту сторону.

– Ты заснула, малышка Кармел.

Я поворачиваю голову, дедушкины руки крепко держат руль, как будто он не вел машину все это время, пока я спала. Я не удивляюсь, когда вижу его, потому что я ничего не забыла во сне, хотя и могла бы. Но почему-то у меня бегут мурашки по спине, наверное, это от того, как он произносит «малышка».

– Это замечательно, милая, что ты поспала. Сон – это прекрасно. Он поможет тебе справиться с тем потрясением, которое ты пережила. – Голос у него снова добрый, и я решаю, что просто он, наверное, из тех людей, которые не привыкли общаться с детьми – как папина подружка, например, – поэтому его слова звучат как-то неискренно и натянуто, что ли.

Он, похоже, совсем не устал. Так и пышет энергией. Мама говорила мне как-то, что такое бывает, если долго не спать. Усталость проходит, и наступает такой... подъем сил.

Я сижу в мягком кресле, которое успела нагреть за это время.

– Тут очень темно. – Я пытаюсь разглядеть, где мы едем.

– Я выбрал трассу В. Она как-то повеселее, – отвечает он.

Я не понимаю, чего тут веселого может быть, когда за окном полная темень и вообще ничего не видно, только трава – ее освещают фары – хлещет по колесам. Дедушка начинает напевать:

– Я выберу трассу В, а ты не станешь возражать, – и смеется своей песне так, словно придумал что-то очень умное.

– Подпевай, Кармел, я научу тебя словам. *«Я выберу трассу В, а ты не станешь возражать...»*^[1]

– Нет, спасибо.

Он крепче сжимает руль и снова смеется.

– Это было бы весело. Когда поешь дуэтом – путь кажется короче.

– Нет, спасибо, – я изо всех сил стараюсь быть вежливой, но что делать – мне совсем не хочется петь его песню. Не такое у меня настроение.

Он все уговаривает и уговаривает меня, потом, наконец, сдается.

– Уже недалеко.

Я вглядываюсь в темноту, как кошка, и начинаю различать очертания черных холмов. Это похоже на сельскую местность, только без единого дома.

– Я думала, ты живешь в Лондоне, – говорю я.

– Ну... понимаешь, Кармел. Дело в том... дело в том, что мы жили в Лондоне. Но после смерти твоей бабушки я не смог там оставаться. Потом я встретил Дороти, она настоящее сокровище, и мы поселились в Уэльсе. В ожидании попутного ветра, который забросит нас куда-нибудь еще.

– Бабушка умерла? – Я подскакиваю. – Когда она умерла?

– Несколько лет тому назад. Разве мама не говорила тебе, милая? – Он укоризненно качает головой, как будто осуждает маму за то, что скрыла это от меня.

– Ну, может, и говорила. – Я хочу защитить маму и делаю вид, что не помню точно, говорила она или нет.

– Я думаю, ты бы запомнила, Кармел, – отвечает он, и он, конечно, прав.

Я прихожу к выводу, что невозможно по-настоящему горевать из-за смерти совершенно незнакомого человека, даже если это собственная бабушка. Но очень уж странно выходит, что мама об этом ничего не сказала. Очень хочется спросить, почему они с мамой поссорились, но боюсь, что это будет очень невежливо с моей стороны. Потом мне приходит в голову мысль, что мама никогда ни с кем не ссорится без причины, поэтому решаю держать с ним ухо остро и внимательней присмотреться к нему – тогда, может, сама пойму, в чем дело.

Я ужасно устала, глаза щиплет, как будто в них насыпали песка, но все равно я ни на минуту не могу забыть о маме.

– Можно еще раз позвонить в больницу и узнать, как там мама?

– Уже очень поздно. Персонал спит, потому что сейчас глубокая ночь.

– Правда?

– Угу. Мы позвоним утром, и, даст бог, нам сообщат хорошие новости. Ну вот, мы почти приехали.

Мы все едем и едем, взбираемся на холмы и петляем среди них, и я слышу, как ветер колотит в машину.

– Вот и приехали, – говорит он, и фары освещают самые высокие железные ворота в мире.

– Значит, ты живешь здесь?

Место какое-то пугающее, но я не хочу это говорить вслух.

– Да, временно. Дом выглядит огромным, но мы, Кармел, снимаем только маленький уголок. Остальное пустует.

– Понятно, – выдавливаю я.

Он потирает руки. Так обычно делают люди, когда обдумывают, как им поступить дальше. Он выходит из машины и отпирает большущий замок, который висит на воротах. В свете фар его светлые волосы сияют вокруг головы. Он открывает ворота и возвращается в машину.

Мы въезжаем во двор, и фары освещают огромное каменное здание, похожее на старинный замок. Он останавливается сразу за воротами и выходит, чтобы закрыть их.

Когда он возвращается, я спрашиваю:

– Это замок, что ли?

Он улыбается, выключает двигатель, и фары тут же гаснут, и все погружается в темноту. Теперь он сидит рядом со мной в полной темноте, и я не знаю, улыбается он еще или уже нет. Я не знаю, какое у него выражение лица.

Его голос раздается из темноты.

– Нет, милая. Это не замок, – отвечает он. – Это то, что в старину называлось «рабочий дом». Инвесторы начали его перестраивать, но у них закончились деньги, и мы тут приютились. – Судя по голосу, он улыбается.

Я слышала о рабочих домах. В школе по истории мы проходили. Туда отправляли людей, которые... которые «сбились с пути и попали в трудное положение». Но я не задаю никаких вопросов.

– Пора вылезать из машины, милая.

Я выхожу, но я так устала, что ноги меня не слушаются. К тому же вокруг совсем темно, и непонятно, куда идти. В лицо дует холодный свежий ветер, он пахнет травой и цветами.

– погоди, я помогу тебе. Я думал, у меня в машине есть фонарик, но, похоже, я забыл положить его. – Он смеется: – Какой глупый дедушка!

Я чувствую, как он кладет руку мне на плечо и направляет меня, но я спотыкаюсь и чуть не падаю, потому что не вижу ни своих ног, ни куда ступаю. И вдруг, хотя на небе нет ни одной звездочки, чтобы подсветить наш путь, я догадываюсь, что мы находимся рядом с домом – потому что ощущаю присутствие каменной громады, как летучие мыши ощущают преграду на своем пути.

Дверь открывается, и полоска света падает на ряд больших каменных ступеней, они ведут ко входу, и на старинные каменные плиты, ими вымощен двор. Это единственное здесь пятно света, оно такое яркое, что женщина в дверном проеме напоминает вырезанную из бумаги куклу, как в театре теней.

– А вот и Дороти! Поджидает нас.

На ней юбка почти до полу, длинные волосы развеваются на ветру, и вообще она похожа на злую ведьму из мультфильма, которая стоит на пороге своего замка, и я про себя повторяю слова, которые мама учила меня говорить, когда страшно: «Мужайся, Кармел, мужайся».

И это всегда помогает. Ну, почти всегда. Когда мы заходим в дом, я могу разглядеть Дороти под лампочкой, которая висит в коридоре, и она кажется уже не такой жуткой. У нее смуглая кожа и глаза немного сонные, но умные. Она наклоняется ко мне и говорит:

– Значит, ты и есть малышка Кармел.

Я киваю. И хотя мы с ней совсем незнакомы, мне приятно находиться рядом с женщиной. От нее пахнет печеньем и корицей, и вид у нее тоже немного «старинный» в этой длинной юбке и заправленной в нее красной блузке.

Она берет меня за руку.

– Пойдем, дитя мое. Ты наверняка проголодалась. – По ее выговору слышно, что она не англичанка.

Мы идем по коридору, она открывает дверь – тут стоят ботинки и висят пальто, потом открывает еще одну дверь – за ней находится кухня с длинным деревянным столом посередине. Кухня совсем новенькая – не то что коридор, белые шкафы так и сияют.

– Это наша часть дома, Кармел. Тебе нравится?

Я киваю, хотя что мне может понравиться в такую минуту.

– Остальной дом не отремонтирован, поэтому нам сдали жилье по дешевке, сделали просто прекрасную скидку. – На ее лице написано огромное удовольствие. – Может, ты хочешь умыться?

Я киваю, она ведет меня через большую гостиную, а потом вверх и вверх по винтовой лестнице, и мы приходим в ванную. Рядом с ванной – спальня, дверь в нее открыта, и я вижу на полу возле кровати несколько чемоданов. Она ждет меня возле ванной, а потом мы спускаемся обратно в кухню.

– Садись здесь, дитя мое. – Дороти выдвигает стул с краю стола. – Чего ты хочешь? Может быть, печенье с молоком?

– Да, пожалуйста.

Дороти ставит стакан молока и кладет передо мной три печенья с шоколадной крошкой. Тут я понимаю, что просто умираю от голода, и быстро проглатываю печенье. И лишь когда

слизывают крошки с пальцев, замечаю, что осталась одна. Мне делается не по себе – сижу за таким огромным столом в таком огромном доме, как будто я принцесса из сказки братьев Гримм, у нас дома есть такая книжка. И я начинаю плакать, мне страшно и одиноко. Крупные слезы падают на крошки на тарелке.

Заходит Дороти. Глаза у меня полны слез, поэтому ее красная кофта расплывается. Я моргаю, и все проходит.

– Ах, боже мой. Дитя мое, дитя мое, что случилось?

– Я тут одна. Куда вы все подевались?

Она поднимает руки к небу:

– Боже мой! Ну что за ребенок? Я отлучилась на минутку, чтоб приготовить тебе постель. Не нужно плакать, какой в этом смысл? Все наладится, будет на пять с плюсом. Так всегда бывает.

– Правда?

– Конечно, – она кивает. – Пойдем, я уложу тебя в постель. Утром тебе станет гораздо лучше. Утром всегда становится лучше. Утро вечера мудренее. Только знаешь, – она упирает руки в боки, – тут такое дело. У нас только одна спальня, и в ней спим мы с твоим дедушкой. Но я подыскала тебе кровать в другой части дома. Там, конечно, нет ремонта, как в этой части, но спать можно. Слава богу, нам оставили ключи от всего дома, чтобы мы за ним присматривали, – подмигивает она мне.

Мы снова идем по коридору, где висит лампочка без абажура. Я поднимаюсь за Дороти по большой деревянной лестнице, и эхо наших шагов раздается под потолком. На верхней площадке она отпирает дверь в длинный коридор со множеством дверей. Она несет свечу, которая очень кстати, потому что чем дальше мы идем по коридору, тем темнее становится. Сначала она показывает туалет, которым я могу пользоваться, там деревянное сиденье и старинная цепочка. Потом она открывает соседнюю дверь.

– Вот твоя комната.

Мебели в комнате нет – только кровать с простыней и одеялами да старый стул у окна.

– В этой части дома нет электричества, – говорит она. – Вот моя нижняя юбка, можешь надеть ее вместо ночной рубашки.

Я смотрю на кровать:

– Дороти, а здесь точно можно спать?

Комната выглядит так, словно в ней не ночевали тысячу лет, и, судя запертым замкам, она не предназначалась для жильцов.

– А кто сказал, что нельзя? – Она снова подмигивает мне.

Я не хочу раздеваться, пока она стоит тут. Поэтому сажусь на кровать, а юбку держу в руке. Слышатся ее шаги у меня за спиной, потом захлопывается дверь – щелк, и готово. Быстро-быстро переодеваюсь в юбку, она белая, с оборкой по подолу. Дверь снова открывается:

– Все в порядке, Кармел?

– Да.

Юбка такая длинная, что я запуталась в подоле и чуть не упала, когда клала одежду на стул. Дороти смеется:

– Ну-ка, давай мы ее укоротим.

Дороти подворачивает юбку у меня под мышками, так что теперь она только достает до полу, а не волочится за мной, как шлейф. Она укладывает меня в постель, и я хочу попросить

ее остаться, но слышу, как дверь закрывается. Я остаюсь в такой темноте, что не вижу даже своей ладони у себя перед носом.

– Спокойной ночи, мамулечка. Прости меня за все, – говорю я, хотя в последнее время уже не называла ее мамулечкой.

Я слышу, как шаги Дороти удаляются по коридору, все дальше и дальше, и я кричу от ужаса:

– Дороти, не уходи! Вернись!

Дверь приоткрывается, в щелочку виден свет.

– Что случилось, дитя мое? Тебе страшно?

– Да. – Я рада, что она сама догадалась и мне не надо ничего объяснять.

– Ты хочешь, чтобы я посидела с тобой?

– Да, да. Пожалуйста.

Кровать старая, скрипучая, и она скрипит, когда Дороти садится. Она ставит свечу на пол, берет мою руку и гладит пальцем.

– Когда я была маленькой, мне тоже часто бывало страшно.

Она говорит таким голосом, словно собирается поведать историю. Я жду с нетерпением, ее рассказ отвлек бы меня от моих мыслей, но она молчит, и я тихонько спрашиваю:

– А чего ты боялась?

Помолчав еще немного, она отвечает:

– Всего, что быстро движется. Моя мама говорила, что у меня слабые нервы.

– Вот как...

– Так что я прекрасно понимаю, каково это – когда страшно. Нужно мужаться, Кармел.

От того, что она говорит эти слова и они так похожи на мамины, мне становится чуточку спокойнее, и я незаметно для себя засыпаю.

Когда я просыпаюсь ночью, ее уже нет. Толстые одеяла, которыми я укрыта, совсем не такие легкие и мягкие, как мое одеяло дома, они такие тяжелые, что мне даже трудно пошевелить ногами. В комнате холодно. Но под одеялами тепло и даже влажно – как будто Дороти постелила простыни, которые не успели высохнуть.

У меня все тело устало и болит – даже мозг. За окном мало-помалу светлеет, я перекатываюсь поближе к окну и смотрю на рассвет – мне становится легче. Я пытаюсь понять все, что произошло. Но ничего не получается. Иногда самое лучшее – считать то, что с тобой происходит, сказкой, делать вид, что это все понарошку, не взаправду. Я уже так делала – например, когда папа от нас ушел, а другой раз, когда в школе два парня обзывали меня «шлюха» и «придурочная», и слова вылетали у них изо рта, как будто какашки. Если притвориться, что это сказка, то можно смотреть на все как бы со стороны или как если бы все происходило внутри стеклянного шара.

Но все равно разные картинки вертятся у меня в голове, и я ничего не могу с этим поделать. Самая главная – лицо дедушки, когда он отпирал металлические ворота и оглянулся, словно проверяя, на месте ли я. Выглядел он точь-в-точь, как на моем рисунке: светлые волосы, которые стали ярче в свете фар, бледные совиные глаза в очках. Такое чувство, что я рисовала эту картинку сто лет назад – а ведь это было всего лишь вчера. Вот только кролик, который сидит у дедушкиных ног и слушает с раскрытым ртом... Непонятно, кто этот кролик и почему он попал в рисунок. И уже перед тем, как я снова заснула, мне пришла в голову очень странная догадка. Я вдруг поняла, кто этот кролик. Этот кролик – я.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Я заснула примерно на час, сидя на диване и привалившись головой к подушке. Бог знает, как мне удалось заснуть – правда, это мало походило на сон. Во сне забываешь обо всем, а я постоянно помнила, что случилось. И наяву, и во сне. Правда, это избавило меня от шока пробуждения, и за то спасибо.

Когда я открыла глаза, Софи, специалист по работе с родственниками, сидела за столом, на том же месте, на том же стуле и что-то читала. Она выглядела аккуратной и свежей, несмотря на бессонную ночь; из белокурого пучка на голове не выбился ни один волосок.

– Привет, – сказала она.

Я откинула одеяло и спустила ноги на пол.

– Есть... есть какие-нибудь новости? – спросила я, с трудом переводя дыхание.

– Пока нет. – Она наклонилась, коснулась моей руки и вышла, чтобы набрать воды в чайник.

Меня пронзила боль, которой я никогда раньше не испытывала. Она передается по всему телу, словно по нему проложен оптоволоконный кабель, заполняет руки, ноги, горло, она повсюду. Я посидела, раздумывая, как же я буду жить дальше с такой болью и с такой тоской.

Потом я скомандовала себе «Встать!», и, как ни странно, мое тело подчинилось.

Я слышала, как Софи наполняет чайник, наливает молоко. Я подошла к черному входу, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Вчерашний туман полностью рассеялся. Несмотря на ранний час, было понятно, что наступило восхитительное солнечное утро. На деревьях поблескивали капли росы, а над травой поднимался пар, от которого пахло розами. У меня в голове не укладывалось – земля сделала еще один оборот вокруг своей оси и продолжает вращаться как ни в чем не бывало, как будто ничего не случилось: солнце встало, птички поют, пчелы жужжат.

На веревке сушилось белье, которое я повесила вчера утром, перед тем как мы с Кармел пошли на поезд. Полосатая пижама Кармел, ее футболки и трусики – розовые, желтые и голубые, как леденцы, – приплясывали под легким ветром. Сердце болело, солнечные лучи резали глаза, и казалось, будто пижама танцует джигу и дразнит меня: «А где же Кармел? Ты потеряла ее? Она сбежала? Ты потеряла ее? Ха-ха».

Приступ тошноты подкатил к горлу, и я согнулась пополам, прямо на крыльце. Засвистел чайник, Софи очутилась рядом, одной рукой она обняла меня за спину, другой гладила по голове и ласково помогла мне снова распрямиться.

Она посмотрела в сад.

– Можно я занесу белье домой? – спросила она.

– Да, – кивнула я. – Конечно. Я помогу вам.

Когда я просыпаюсь во второй раз, уже совсем светло, только мне не сразу удается вспомнить, где я. Я моргаю изо всех сил – я всегда так делаю, чтобы быстрее проснуться.

Комната очень большая, потолок у нее высокий, а пол из голых досок. Как будто я болею и лежу в старой больнице, только здесь больше нет кроватей, кроме моей. Занавесок на окнах тоже нет, поэтому солнце светит прямо в лицо и согревает его. Подоконник покрыт толстым слоем пыли, какими-то черными кусочками и частицами известки с потолка.

Обрывки вчерашнего дня начинают всплывать в памяти. Но все перемешалось: то черно-зеленое блестящее лицо смотрит с высоты ходуль, то мужчина с совиными глазами выскакивает неведомо откуда, то бесконечная поездка на машине в темноте, то гигантская книга, то мама в поезде говорит «вроде того, вроде того», то я откусываю хот-дог и слизываю голову у длинного червяка из кетчупа.

Потом мамины коричневые ботинки, которые торчат из-под грузовика.

Дальше можно не моргать. Теперь я вспомнила все. Я сажусь на кровати, и вдруг дикий крик вырывается у меня из груди, хотя я вовсе не собиралась кричать. Он сам выпрыгивает из меня, так бывает, когда чихаешь.

«Нет, нет, нет», – так звучит этот крик. Он разносится по комнате, отскакивает от потолка. Ноги дрыгаются вверх-вниз, ужасные тяжелые одеяла падают на пол грудой, и я одним прыжком выскакиваю из кровати. По коридору приближаются шаги, и в комнату врывается Дороти. При дневном свете она еще смуглей, чем вечером, совсем как индианка, на ней все та же пыльная черная юбка, что и вчера, достающая почти до щиколоток. Сегодня в нее заправлена синяя блузка, а на талии широкий кожаный пояс белого цвета. Волосы собраны в конский хвост, который болтается вдоль спины, она напоминает мне героиню из одного ковбойского фильма, который я когда-то видела.

– Сейчас, сейчас. Зачем же так кричать, – приговаривает она. Вообще-то я перестала кричать сразу, как она вошла, я очень рада видеть ее.

Дороти подбирает одеяла с пола и аккуратно складывает их. Она делает все очень ловко и быстро. Потом слышатся другие шаги, не совсем обычные. Человек тяжело ступает – топ, топ, и каждый «топ» чередуется с каким-то шаркающим звуком.

– Слава богу, вот и Деннис, – говорит Дороти, и в комнату входит мой дедушка. Рукава рубашки закатаны, лицо вспотело, как будто он работал в саду или что-то вроде.

– Я хочу поговорить с мамой, – говорю я. Я сжимаю руки в кулаки, сама не замечаю как.

Дедушка подходит ближе, и я понимаю, откуда этот шаркающий звук. Одна нога у него больная – он не может ее оторвать от земли, поэтому тащит за собой, когда идет. Вчера ничего такого не было – ни когда мы бежали по полю, ни когда он открывал железные ворота. Я понимаю, что все дело в той невероятной энергии, которая переполняла его вчера, – она давала ему такие силы, что он даже перестал хромать. Я не знаю, откуда я это знаю, но знаю точно.

Его большие бледные глаза смотрят на меня, и мне становится жарко и стыдно оттого, что я стою перед ним в прозрачной нижней юбке Дороти.

– Я хочу поговорить с мамой, – повторяю я уже тише, как будто шелестит крыльями бабочка.

Он присаживается передо мной на корточки – ему нелегко это сделать из-за больной

ноги. Его лицо оказывается на одном уровне с моим.

– Конечно, Кармел. Но ты должна помнить, как важно всем нам сохранять спокойствие в нашем положении. Мы должны вести себя как взрослые и ответственные люди ради твоей мамы.

Я обдумываю его слова и понимаю, что он прав, и мне становится немножко легче.

– Оденься, а я пока пойду позвоню в больницу и узнаю, что нового, – говорит он. Дедушка поднимается, ему снова больно.

Он стоит передо мной, а Дороти сзади, они словно боятся, что я убегу, и ждут моего ответа.

– Хорошо, – соглашаюсь я.

Я подхожу к стулу, на котором лежит моя одежда, и смотрю в сад на деревья, жду, пока они выйдут, чтобы переодеться. Дверь захлопывается.

Теперь я вижу, что черные кусочки, которыми усыпан подоконник, – это тела мертвых ос. Они совсем высохли, лежат кверху брюшком, оттуда торчат тонкие, как паутинки, лапки. Живыми они были, наверное, гораздо тяжелее – как та пчела, которая билась о стекло, а потом вылетела, и я еще испугалась, что она упадет и разобьется. Теперь осы умерли, и тяжести в них не осталось. Как это странно, думаю я: быть живым – значит чувствовать тяжесть.

Одежда, которая была на мне вчера, кажется заскорузлой и грязной. Делать нечего, я все надеваю на себя, даже трусики. Хоть моя мама говорит: «Новый день всегда начинай с новых трусиков». Я сообразила, что у меня нет даже зубной щетки, чтобы почистить зубы. Надо спросить у Дороти, думаю я, может, у нее есть запасная щетка. Надеюсь, она не предложит мне свою, потому что пользоваться чужой зубной щеткой это ужас как противно.

За моей комнатой тянется длинный коридор, его стены до половины выкрашены зеленой краской, а верх – грязно-белый. Я иду в ту сторону, откуда доносятся голоса, и оказываюсь возле деревянной лестницы. Входная дверь на первом этаже открыта, и над железными воротами виден кусочек голубого неба. Небо совершенно такое, как всегда, как будто это самый обычный день, и мне от этого становится легче.

Голоса дедушки и Дороти доносятся из их квартиры, как будто там жужжат два насекомых – звук то тише, то громче. Дороти как кузнечик – «ззз, ззз», а дедушка насекомое покрупнее, и звук у него громче и резче. Мне пришло в голову – таракан, но потом я подумала, что таракан не очень приятное насекомое, и заменила таракана на большого черного жука с рогами. Я снова прислушиваюсь – да, так и есть: «бип, бип, бип», в точности как жук. Потом послышались шаги. Мне не хочется, чтобы они видели, как я подслушиваю, и я начинаю спускаться по лестнице. У подножия лестницы стоит дедушка.

– А вот и наша малышка Кармел! Я позвонил в больницу. Спускайся вниз на завтрак. Чувствуй себя как дома в нашем скромном жилище.

Слово «скромный» рифмуется с «укромный» и, как мне кажется, означает «маленький», а разве этот дом можно назвать маленьким, или я чего-то не понимаю?

Остаток лестницы я одолеваю очень быстро, потому что хочу поскорей узнать, что с мамой. Дороти хлопчет у плиты.

– Проходи, садись. – Дедушка подходит к столу, забавно хромая на свой манер.

Дороти кладет передо мной блинчик и посыпает сахаром.

– С черникой, – говорит она и подмигивает, ее веко медленно скользит по главному яблоку, и почему-то это напоминает мне какое-то животное, ящерицу, что ли. Она садится

рядом со мной и складывает руки на коленях, на черной юбке.

Ягоды лопаются, когда я жую, брызгает сок, и мне становится стыдно оттого, что я сижу тут и ем вкусные блинчики, пока мама в больнице, поэтому я откладываю вилку в сторону. Дедушка сидит во главе стола.

– Кармел, у меня две новости, хорошая и плохая. С какой начать, моя милая?

Они оба сидят – не шелохнутся и внимательно смотрят на меня.

– С плохой. Нет, с хорошей. – Я так вцепилась в стул, что даже больно.

– Твоей маме сделали очень сложную операцию. Она продолжалась всю ночь, потому что травмы очень тяжелые. Бедная моя дочь!

Он вынимает из кармана белый платок и подносит его к лицу. У меня такое впечатление, что он пытается спрятать глаза, а мне хочется разглядеть, появились ли на них слезы. На моих, я чувствую, появились, они снова полны слез, хотя я даже не ожидала, что в моей голове еще осталась вода, столько вчера плакала.

Чуть погодя он прячет платок обратно в карман.

– А хорошая новость? – спрашиваю я каким-то тоненьким голосом. Я тоже превратилась в насекомое – в такую же маленькую мошку, которая заползла сейчас под мою тарелку в поисках укрытия.

– Хорошая новость состоит в том, что она выжила. Врачи проявили фантастическое мастерство и собрали ее по кусочкам. Все, что могли, то и сделали.

Собрали ее по кусочкам. Все, что могли, то и сделали. Не нравятся мне эти слова. Как будто речь идет о кукле или там о марионетке – она развалилась, и ее собрали кое-как: ноги торчат вместо головы, глаза на пятках. Все, что могли, то и сделали. Но я себя одергиваю – перестань, это же глупо, он совсем не это имел в виду. Соберись с мыслями, говорю я себе.

– Когда я ее увижу? – спрашиваю я все еще голосом мошки. – Мы можем сейчас поехать?

Дедушка почему-то пугается, отрывает руки от стола и держит их перед собой, так что я вижу его ладони.

– Нет, Кармел, что ты! Она очень слаба, она...

– Я не буду ее беспокоить. Я не буду ее будить... – Теперь я говорю уже своим голосом, голосом нормальной Кармел.

– Нет, нет, это невозможно. Исключено. – Он чем-то напуган и недоволен, отвечает решительно.

Но я тоже настроена решительно.

– Почему? Почему исключено? – Я встаю и сжимаю кулаки, как будто хочу кого-то ударить.

– Понимаешь, мама лежит в таком месте, которое называется «реанимация». Это очень тихое место для людей, которые находятся в очень тяжелом состоянии. И там нужно поддерживать полную тишину, чтобы люди быстрее поправлялись.

– Но я не буду шуметь. Не буду, не буду!

– Может, и не будешь. Но пойми, Кармел, врачи сказали: посетителей не пускать, особенно детей.

– Хорошо, я не буду входить. Я посмотрю в щелочку! – кричу я ему. – А если в двери есть окошко, я посмотрю в окошко. А если окошко высоко, ты поднимешь меня.

– Кармел, нет! – Он тоже кричит и таким громким, таким страшным голосом, что все слезы, которые скопились у меня в глазах, брызгают фонтаном, и я хватаюсь руками за лицо. Я падаю на стул, и Дороти протягивает руки и обнимает меня. От нее пахнет блинами, кофта

у нее очень мягкая, как будто стиральная много-много раз, и я утыкаюсь лицом ей в грудь и плачу.

– Хватит, Деннис, – резко говорит она. – Прекрати. Оставь нас, и девочка успокоится.

Раздаются удаляющиеся шаги, и за дедушкой закрывается дверь. Я не хочу слезать с коленей Дороти, поэтому обнимаю ее и вцепляюсь в нее, как обезьянка. Она гладит меня по волосам.

– Ну что ты, что ты, Кармел. Все будет на пять с плюсом. Все и так хорошо. Ты же не одна. Ты ведь не можешь жить одна. Поживешь немного с нами, вот и все. Как только маме станет лучше, поедешь с ней повидаться.

Она говорит понятные вещи – не то что дедушка, и в ее словах есть смысл. От ее слов мне становится спокойней, так что я даже разжимаю руки и могу высморкаться в розовый бумажный платок, который она вынимает из кармана.

Она улыбается мне. Когда я смотрю в ее глаза, мне на ум приходит слово «янтарь». Цвет ее глаз напоминает мамино ожерелье из желто-коричневых бусин. Совсем маленькой я любила засунуть одну из бусин в рот, пока никто не видит, – уж очень они походили на конфеты. Вкуса у них, конечно, никакого не было, но все равно мне нравилось их лизать, и глаза у Дороти точь-в-точь как эти бусины, разве что чуточку темнее.

Она печет мне еще один блинчик. Потом велит пойти подышать свежим воздухом, пока она моет посуду, и протягивает мое пальто, которое провисело всю ночь на вешалке.

Я немного стою наверху большой каменной лестницы, нюхая воздух, как лиса. Мне хочется понять, где я, но на воротах по-прежнему висит большой блестящий замок. Я выглядываю в щелочку, железо холодит мне лицо, но видно только какое-то зеленое пятно. Дом окружен со всех сторон каменной стеной, она намного выше моего роста, в одном месте прямо у стены выросло дерево, его корни цепляются за камни. Я сажусь под дерево, и тень от него скользит по моему пальто.

Мне начинает казаться, что я существую не то в картинке, не то в фильме, что я плоская и сделана из такого же вещества, как люди в телевизоре. Мои руки делаются плоскими, как лист бумаги, и я вытягиваю ладони, чтобы поглядеть на них. Они потные, в морщинки забила грязь, я нюхаю их. Запах сладко-соленый, как у арахиса из пакетика.

Я брожу по двору. Похоже, тут давно никто не жил, пока не приехали Дороти с дедушкой. Под ногами хрустят обломки черепицы и всякий мусор. Кое-где стоят какие-то ржавые механизмы – для сельского хозяйства, наверное.

Мне снова кажется, что все кругом ненастоящее и я тоже. Я тут ничего не знаю, все чужое, если не считать одежды, которая на мне. Как будто меня вот-вот выключат – как я выключаю телевизор. Ужасное чувство, я пытаюсь его прогнать, нужно что-то сделать и снова вернуться в себя.

Поразмыслив, я решаю, что самое лучшее – напрячь мозги и постараться до нашей следующей встречи что-то понять про Дороти и про дедушку, тогда они перестанут быть такими чужими. Дедушкина вчерашняя энергия все еще витает возле ворот, я ее чувствую, когда прохожу мимо. Клубится вроде вчерашнего тумана. Другое дело Дороти. Ее энергия собрана в комочек и спрятана у нее внутри. Затем я думаю про дедушкину хромоту, про то, как она исчезла вчера, а сегодня появилась. От этих мыслей у меня начинает болеть нога, и я чуть не падаю. Поэтому я перестаю думать про дедушкину ногу. Про маму в больнице я тоже не думаю. Оставляю эту картину внутри стеклянного шара.

Я провожу еще одну ночь в той же комнате, в той же кровати. Невыносимо хочется

домой, я говорю им об этом, но они отвечают: «Еще рано».

Ночью в доме совсем страшно, днем все же получше. Квартира, в которой живут Дороти с дедушкой, отремонтированная, красивая. Они спят в спальне рядом с туалетом, куда меня водила Дороти в первый вечер. Гостиная у них рядом с кухней, там стоит большой кожаный диван, пахнет новым ковром, и огромное окно смотрит во двор перед домом. Оно такое огромное, что на подоконнике можно сидеть, я и сижу. А в той части, где сплю я, дом совсем старый. Дедушка говорит – у инвесторов кончились деньги. Но это обстоятельство имеет положительную сторону: благодаря этому инвесторы, как дедушка их называет, сдали квартиру по дешевке – Дороти аж дважды говорила об этом. Сегодня утром я слышала, как они обсуждали – может, им купить весь дом целиком, вместо того чтобы снимать его часть. Они поделят его на квартиры, потом будут их сдавать и заработают кучу денег. Тогда они сами будут инвесторы. Но по тому, как они говорили, было ясно, что это просто мечты и ничего этого быть не может.

Телевизора тут нет вообще. Я спросила у Дороти почему. Она рассмеялась и ответила, что, когда она была маленькая, у них в семье не было телевизора, а когда он, наконец, появился, то человечки, которые двигались внутри ящика, сильно пугали ее. Мне это напомнило о моем вчерашнем чувстве.

Я снова спросила про маму. Они заверили, что скоро я смогу ее увидеть. Я сказала, что хочу поговорить с папой, а они ответили, что у него выключен телефон, потому что он находится в больнице с мамой. Они оставили ему сообщение, и он наверняка перезвонит, когда сможет. Странное дело, но меня это даже порадовало – раз он у мамы в больнице, значит, ему не все равно, значит, переживает за нее. Если он сейчас побудет с ней, то, кто знает, может, он вернется к нам, и мы снова будем вместе. Не знаю, что будет в этом случае с Люси, да и какое мне дело, не могу же я думать обо всех.

Моя одежда сильно запахла, очень долго я ношу ее. Сижу на каменных ступенях у входа в дом и плачу, уткнувшись лицом в ладони. Поплавав какое-то время, я говорю себе: стоп, ты превращаешься в плаксу, как та девочка из школы, которую зовут Тара. Я ее всегда жалела, потому что она с особенностями развития и вечно плачет, слезы капаят на парту, и к концу уроков она делается влажной от слез. Я перестаю плакать и слушаю, как поют птицы. А потом – хоть и понимаю, что это невозможно, вообще невозможно, – я слышу голос, это мамин голос. Я догадываюсь, что он звучит только у меня в голове, но он слышится в шелесте листьев. Сначала я не могу разобрать, что шепчут мне листья, но потом они собираются с силами и повторяют вполне отчетливо: *«Мужайся, Кармел, мужайся!»*

И мне вдруг становится спокойно, я понимаю – что бы ни случилось, у меня хватит мужества справиться со всем. А если я стану плакать каждые пять минут, то буду делаться все слабее и слабее, пока не превращусь в гору скомканных бумажных платков, пропитанных соплями и слезами.

Я принимаю решение. Я знаю, что в рабочие дома люди попадали не по своей воле, поэтому сама для себя буду считать этот дом замком.

Спрашиваю у дедушки еще раз, когда поедет к маме, он отвечает: скоро уже, скоро.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Сотрудница полиции говорит: «Мне очень жаль, но я не могу оставить ребенка без присмотра», и тут же жалеет о своих словах – это видно по тому, как она закусывает зубами пухлую нижнюю губку, которая становится пунцово-красной. Две сотрудницы полиции – специалисты по работе с родственниками – по очереди присматривают за мной. Мне больше нравится Софи, с ней спокойней – она умная и милая. С ней я не чувствую себя поднадзорной, как с другой.

– Простите. Я не это имела в виду. Мне не следовало этого говорить. – Софи снова прикусывает хорошенькую губку. – Понимаете, у няни случилась беда – мужа отвезли в больницу. Я просто не знаю, как быть...

У нее тревожный, напряженный взгляд матери, которой сейчас нужно находиться совсем в другом месте, рядом с ребенком.

– Все в порядке. Пожалуйста, не стесняйтесь говорить о своей семье, это нормально, это естественно. Идите спокойно, идите. Со мной ничего не случится за пять минут.

У меня нет сил, и я сижу неподвижно. Скоро приедет другая дежурная – когда мы говорим, полицейский автомобиль, наверное, уже приближается, едет по сельской дороге, собирая на капот пыльцу с придорожных растений. Полиция организовала на телевидении оповещение о том, что пропал ребенок, сегодня вечером состоится запись. Мне легче, когда можно думать о чем-то конкретном.

Я остаюсь одна. Сижу на кухне за столом перед чашкой кофе. В доме очень тихо, как будто дом затаил дыхание, наблюдает за мной и ждет, что будет дальше. Пытаюсь допить кофе. «Вы должны пить, – сказала вчера Софи. – Вы должны есть. Вы должны жить».

Пока я пью, строю какие-то бредовые планы, что нужно сделать, когда она найдется. Я заделаю все щелчки в доме. Я позову рабочих, и они поставят высокие ворота, на которые я повешу золотую цепь в руку толщиной. Разведу в тазике известь, натаскаю камней из поля и сделаю каменную стену выше трубы. Никогда больше, твержу я, никогда больше подобное не повторится.

С тех пор как Кармел исчезла, я не перестаю высматривать повсюду красное пятно, поэтому даже среди своих бредней я заметила боковым зрением вспышку красного цвета за забором, и мои зубы стукнули о край чашки.

Я подлетела к окну, опрокинув чашку, и кофе разлился по черно-белой фотографии Кармел, напечатанной в газете.

Но это был всего лишь Пол, он шел по дорожке. Между штакетинами забора виднеется его автомобиль, припаркованный у дороги, – его-то я и заметила, когда он проезжал мимо окна. Мы не виделись после того, как Кармел исчезла. В любое другое время мое сердце выпрыгнуло бы из груди, несмотря на наш разрыв. Но сейчас при виде Пола я испытала только досаду и разочарование, которые последовали за выбросом адреналина.

Его походка, весь его облик изменились – странным образом в нем сочетались растерянность с целеустремленностью. Боюсь, я бы даже не узнала его издали. Он постучал в дверь, я открыла – и вот он стоит на пороге, руки опущены вдоль тела.

Он переступает порог, и мы стоим секунду, молча глядя друг на друга.

Затем он проходит и садится на диван.

– Расскажи мне все по порядку, – просит он, не глядя на меня. – Я должен знать все от начала до конца. В деталях. Что. Произошло.

Я рассказываю подробно, как могу.

– Значит, ты потеряла ее.

– Да, Пол. Да. Был туман... Да, Пол, я потеряла ее. И теперь не знаю, где она. Не знаю.

Снова, как в День, Когда Это Случилось, у меня возникает чувство, будто земля разверзлась и испускает то, что скрыто в ее недрах: запах гнили, ужасная вонь горчичного газа распространяется по комнате. Наша боль имеет и цвет, и запах, она вьется темно-желтым облаком вокруг наших ног.

– Меня допрашивали. Они считают, что это мог сделать я. – Он злится, как человек, осознающий свое бессилие.

– Пол, это их обязанность. Таковы правила. Ты должен их понять. Меня тоже допрашивали. Боже, как я рада, что ты пришел...

– Ты потеряла ее, – обрывает он меня. – Это твоя вина. Ты во всем виновата!

И снова этот холодный безумный взгляд.

– Пол, как ты можешь так говорить? Откуда такая жестокость? После того, как ты не приезжал к нам столько времени!

– Как я мог приехать? – Он поднимается. – Ей было бы тяжело!

Он переходит на крик:

– А все из-за тебя! Эти твои вечно поджатые губы и ненависть в глазах. Дети прекрасно чувствуют такие вещи. Она все чувствовала. У нее были черные круги под глазами. Это от стресса. А, да какая теперь разница... – И он направляется к выходу.

– Уже уходишь? Пол, ради бога, подожди. – Я чуть не плачу. – Не оставляй меня одну. Она ведь наш общий ребенок.

– Мне нужно идти. – Он проводит рукой по глазам, словно пытается стряхнуть это все. – Я просто не могу... не могу. Это невыносимо. Тебе не понять.

– Пол, мы должны держаться вместе.

– Нет, ты не понимаешь.

– Забудь все, что было. Это теперь не имеет значения. Давай сделаем все, чтобы найти ее, Пол.

– Нет! – орет он. – Я не могу! Не могу! Не. Могу. Это. Невыносимо.

Он произносит каждое слово отдельно, а потом прижимает меня к стене. Он давит изо всех сил, почти расплющивает меня по стене, мои ноги отрываются от пола. Я смотрю из-за его плеча в окно и вижу, как подъезжает полицейская машина. Из нее никто не выходит – может, говорят по мобильному телефону, а может, увидели машину Пола и не хотят мешать.

– Пол, что ты делаешь? – спрашиваю я. Я еле дышу – с такой силой он навалился на меня всем телом.

Он не отвечает. Я закрываю глаза и продолжаю висеть в воздухе. Как ни странно, это положение меня вполне устраивает, я согласна пребывать вечно в этом подвешенном состоянии, без опоры под ногами. Он поворачивает голову, на мгновение мне кажется, что он хочет меня поцеловать, но он только нажимает еще сильнее, так что его бедра упираются в мои, а его плечо врезается мне в ключицу. Его дыхание обжигает мне шею, он издает какие-то странные звуки, не то рычанье, не то рыданье.

Когда он отпускает меня, я падаю на колени. Не оглядываясь, он бросается к выходу, и через секунду его уже нет, дверь захлопывается на ветру.

Я остаюсь одна, на четвереньках, эхо от удара дверью разносится по дому. Я слышу, как заводится двигатель и машина отъезжает от дома. И тут я понимаю, чего он добивался. Он хотел впечатать в меня как можно больше своего горя – столько, сколько я смогу вместить, чтобы легче было сесть за руль и уехать, и я чувствую, как его горе пускает корни во мне и обустроивается, как дома.

Однако я не испытываю к нему ничего, кроме жалости. Потому что я знаю – горе будет преследовать его, набирать скорость, гнаться за ним, пока не настигнет, как рой пчел, который влетает в окно и окружает со всех сторон. И, стоя на четвереньках, я отправляю вслед ему свое послание: «Не проклинай меня, Пол. Если больше ничего не можешь, то хотя бы не проклинай».

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Я сидела, сгорбившись перед телевизором, и смотрела в вечерних новостях обращение, которое записали мы с Полом. Наши лица блестели в ярком свете софитов.

– Вы оба справились хорошо. – Со мной была Мария, другой специалист по работе с родственниками.

– Выдумаете?

По-моему, мы выглядели как пара подбитых птиц, растерянных и дрожащих, даже наши еле слышные голоса дрожали. Перед записью Пол шепнул мне: «Прости за то, что было утром». – «Ничего, – ответила я. – Главное, что сейчас мы делаем это вместе».

Новости закончились, я с трудом сдерживала отчаяние. Мария была строже, резче, чем Софи. Ее присутствие было неприятным и ощущалось как надзор, мне казалось, что она изучает меня в служебных целях. Хотя она была в гражданской одежде, ее аккуратный темный костюм и белая блузка напоминали форму. Она читала какие-то записи, молча. Ее волосы, подстриженные строгим бобом-каре, падали двумя скобками на щеки, а концы этих скобок указывали на уголки рта.

Конечно, это несправедливо, она ведь не делала ничего плохого, но в тот вечер она вызывала у меня неуправляемое раздражение. Причина была, видимо, в ее манере держаться с подчеркнутым профессионализмом, которая производила впечатление, что для нее все это только служба и ничего личного. Я представляла себе, как она упорно карабкается по карьерной лестнице, а участие в таком громком деле – выигрышная строчка в ее резюме.

Я выключила телевизор, походила по кухне, потом бросилась на стул, меня сотрясал очередной приступ дрожи, с которым я не могла справиться, стул ходил подо мной ходуном.

Она спокойно положила свои записи на колени.

– Честное слово, Бет. Делается очень большая работа. Теперь остается только ждать.

– Ждать чего? – Я снова стала мерить шагами кухню.

– Сейчас, пока мы тут разговариваем, там идет совещание. Не сомневайтесь, Бет, делается все, что только возможно. Лучше примите ванну или съешьте что-нибудь. Что вы сегодня ели?

Она переходит к банальностям, которым ее обучили, и я пропускаю ее вопрос мимо ушей.

– Какое совещание?

– Стратегическое. Обсуждается план дальнейших действий. – Она тщательно подбирает слова.

– Так какого черта я сижу тут, когда там идет совещание? Почему я ничего не знаю? – Я невольно перехожу на крик.

Она отводит кончики волос назад и закладывает их за уши.

– Это было бы неправильно, Бет, сами посудите. Присутствие членов семьи все осложняет, Бет. Члены семьи всегда... накаляют обстановку. Уж поверьте мне, Бет.

Я нутром чую, что это ее на курсах научили все время повторять имя подопечного с такой особенно певучей интонацией.

– Но я же мать. Это что, ничего не значит? По-вашему, ничего не значит?! – Я снова визжу, слова вырываются из глотки – дракон, а не мать.

Она только вздыхает в ответ, моя злость терпит поражение, я бегу к входной двери и распахиваю ее. Из кармана кофты вынимаю щепотку табака, который принесла Софи по моей просьбе, и скручиваю сигарету. Возле крыльца валяются смятые окурки сигарет, которые я выкурила раньше и потушила о подошву. Я снова пристрастилась к табаку, быстро и легко, и он радостно ответил мне: *«Ну, где же ты была столько времени? Я скучал!»*

Неужели погода издевается надо мной всю неделю? Я бы хотела, чтобы разверзлись хляби небесные, обрушился град с куриное яйцо, ураганы ломали деревья, молнии испепеляли землю. Чтобы кто-то подал знак свыше – произошло нечто чудовищное, противоестественное. А вместо этого такой прекрасный вечер. Поля простираются передо мной, освещенные закатным солнцем. Воздух цвета золотистых персиков. На березе листья разжали крошечные кулачки. Полукруг заходящего солнца виден за деревьями, и кажется, что новая жизнь набухает под кожей земли, нетерпеливая и трепетная.

Тихие шаги за спиной, дыхание Марии.

– Простите, – тихо говорит она. – У меня нет детей. Несколько лет назад мне удалили яичники. Поэтому мне трудно представить, что вы чувствуете сейчас, а притворяться я не хочу.

Я понимаю, что ей непросто сделать такое личное признание, к тому же им, наверное, инструкция не позволяет говорить с подопечными о своей личной жизни.

– Простите меня... Простите, что кричу на вас. Я понимаю, вы здесь ради того, чтобы помогать мне, а я кричу на вас. Это ужасно с моей стороны.

– Да ничего, фигня это, – говорит она, и я улыбаюсь ей.

Все тихо и спокойно. Дым от сигареты завивается колечками, просачивается сквозь ветки деревьев и рассеивается в воздухе. Я представляю себе, как он летит над полями, словно что-то бестелесное. И несет частицу моих легких, а с ней – невидимое глазу послание, которое должно заразить страхом того, кто похитил мою дочь: *«Берегись. Тебе объявлена война»*.

Я почувствовала дыхание Марии у себя на плече.

– Я хочу вам кое-что сказать. Когда вас одолевают такие мысли... ну, вы понимаете, о чем я... – Она замаялась.

Я не повернула головы. Солнце еще немного опустилось, я стояла неподвижно.

– Мысли, от которых невозможно отделаться, – продолжала она. – Тогда нужно поступать вот как.

Голос у нее был тихий и мягкий.

– Это очень важно. Вы отводите в своей голове место для этих мыслей и складываете их туда. После этого запираете дверь на ключ, ключ выбрасываете и забываете дорогу туда. Вы меня слушаете, Бет? Вы слышите меня?

Я киваю, не оборачиваясь, и она продолжает тихим голосом, очень настойчиво:

– Вы должны повесить большую табличку «Вход воспрещен» на эту дверь. Ну, или на высокие ворота, через которые вам не перелезть. Тут важно отчетливо представить себе каждую деталь.

И я представляю себе... Посыпанная гравием дорожка, трава по обе стороны. Небольшой поворот. В конце маленький домик, окна увиты плющом. Дверь закрыта на замок и забита досками. На дорожке лежит змея, ее тело, как веревка, преграждает мне путь. Змея

тихо дремлет, но один древний глаз наблюдает за мной из-под прикрытого века и готов разбудить другой, если я сделаю еще хоть шаг.

– Ну что, Бет? Увидели? Увидели это место? Дайте мне слово никогда, никогда не ходить туда. Вам туда нельзя. Даже не приближайтесь! Увидели это место?

– Да. Да, я вижу его, – говорю я.

Я долго стою на крыльце, курю сигарету за сигаретой. Слышу, как Мария за моей спиной собирает газеты со стола, освобождая место, затем тихо ставит тарелки, кладет вилки.

Я поворачиваюсь и иду в дом, сосредотачиваясь по очереди на каждом шаге: сначала одну ногу вперед, потом другую. Так и жизнь моя теперь пойдет, думаю я. Сосредоточиться на следующем шаге, потом сделать его. Шаг за шагом добираюсь до кухонной раковины. Наклониться, открыть шкаф, достать совок и швабру. Вернуться на крыльцо. Наклониться. Взмах шваброй, взмах, еще один. Нижняя ступенька. Заглянуть под край ступеньки. Взмах, еще взмах. Проверить, чисто ли.

[Купить полную версию книги](#)

notes

В оригинале: *I'll take the B roads and you take the low...*

Take the low road – фразеологический оборот, означающий в том числе «перестать сопротивляться обстоятельствам». – *Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, прим. ред.*